

В. Ф. КОПЫТИН

**Археологические памятники
Дрибинского района
Могилевской области**

Могилев, 1994

БКК 63.4 (2Б)

К 65

В издании содержатся сведения о памятниках археологии Дрибинского района Могилевской области, известных на 1993 год. Описание каждого памятника включает данные о местонахождении, датировке, культурной принадлежности, полученных материалах, истории исследования, сохранности памятника и ссылки на источники. В начале реестра дан краткий очерк древнейшей истории района по археологическим сведениям, в конце приведены планы, литература и архивные источники.

Издание адресуется широким кругам общественности, работникам местных Советов народных депутатов, руководителям хозяйств и строительных организаций, усилиями которых еще можно спасти от уничтожения наше культурное наследие.

Утверждено к печати ученым советом Могилевского государственного педагогического института им. А. А. Кулешова.

К-65 **Копытин В. Ф.**

Археологические памятники Дрибинского района Могилевской области. — Могилев, 1994. стр., 20 иллюстр.

© В. Ф. Копытин, 1994.

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Гордиться славою предков не только можно, но и должно», — писал А. С. Пушкин. Слова великого поэта как никогда актуальны и в наше время, когда мы по крупицам пытаемся возродить историю нашего Отечества, восстановить зачастую прерванную связь поколений, найти свои истоки. После многих потерь и бед, пережитых белорусским народом, особенно важно, чтобы в обществе утвердились по-настоящему гуманистические представления о непреходящей ценности культуры и традиций как народного достояния, сформировавшегося тысячелетиями.

Каждое поколение, уходя из жизни, оставляет после себя вещественные свидетельства своей деятельности. Тонкими пластами ложатся они в землю, которая бережно хранит драгоценные следы давно прошедших веков. В этих пластах «записаны» тысячелетия дописьменной истории, которые, словно многочисленные небольшие притоки, питают огромную реку человеческой культуры, воспитывают уважение к родной истории, почтение ко всему, что сделано трудом предшественников. В истории есть голос крови, и голос этот нас ко многому обязывает. И чем больше это влияние, тем прочнее чувство Отечества и отчего очага.

При изучении древней истории человечества одной из ведущих наук является археология. Она позволяет увидеть далекое прошлое во всей полноте бесконечного разнообразия памятников — археологических источников, создающих единую историческую ткань. Благодаря археологии, оживает покрытая тленом забвения история многих племен и народов.

Всякий район Могилевщины имеет свой неповторимый набор археологических памятников, которые представляют собой остатки материальной культуры древних людей. Это, главным образом, места древних поселений и погребений. Поселения могли быть неукрепленными (стоянки, селища) или укрепленными (городища).

В археологии стоянками называются места жизни и деятельности людей каменного и бронзового веков. Как правило, они располагались по берегам рек и озер и были временными, оставленными во время сезонной охоты, рыбной ловли, собирательства или

базовыми, жизнь на которых продолжалась длительное время. При раскопках последних встречаются остатки жилищ, очагов, места, где производилась обработка камня и изготовление орудий труда, разделка охотничьей добычи и т. д.

Селища — это сельские поселения, которые возникли в раннем железном веке и существовали в более поздние времена, включая средневековье. В этом смысле термин встречается в древних летописях, свидетельствуя о занятиях населения земледелием и скотоводством.

Стоянки и селища всегда имеют культурный слой, образующийся из органических и строительных остатков и свидетельствующий о жизнедеятельности людей. На месте поселения постепенно накапливается мусор, производственные отходы, разрушенные или разобранные постройки, выброшенные, а иногда утерянные вещи, остатки пищи и т. д. Когда поселение перестает существовать по каким-либо причинам (вражеские нападения, пожар, стихийные бедствия) и жители покидают это место, постройки постепенно ветшают, разрушаются, заносятся пылью и песком, зарастают травами и кустарниками, оказываются погребенными в земле. Толщина культурного слоя зависит от продолжительности жизни на данном месте, сохранности остатков, использованных строительных материалов и колеблется от нескольких сантиметров до десяти и более метров. Обычно культурный слой имеет более темную окраску, чем окружающие его породы. Отдельные предметы, украшения и многое другое оказывается на поверхности в результате распахки мест древних поселений или при производстве земляных работ. Иногда культурный слой прослеживается в обнажениях почвы по берегам рек и оврагов.

В настоящее время на территории Дрибинского района известно тринадцать стоянок и местонахождений каменного и бронзового веков и лишь два селища, одно из которых относится к раннему железному веку, а второе — ко времени Древней Руси.

Характерной особенностью городищ района является наличие площадки небольших размеров, окруженной укреплениями в виде земляных валов и рвов, а также защищенной естественными преградами — оврагами и реками. Городища возникли в раннем железном веке и существовали до эпохи Древней Руси включительно. Они представляли собой небольшие крепости, для большей неприступности возводившиеся на высоких и крутых берегах рек или на мысах между оврагами. Со стороны поля (напольной стороны), городища укреплялись рвами и земляными валами. По краю площадки, а также на валах возводились деревянные стены

или частокол из врытых вертикально бревен. Иногда на городищах сооружалось несколько рядов укреплений с 2—3 валами и рвами между ними, что создавало достаточно серьезные препятствия для нападающих.

Возникновение городищ повсеместно связано с развитием сельского хозяйства, с появлением накоплений в виде запасов зерна и стад скота и желанием защитить все это от грабежей. Очень часто местное население связывает с городищами легенды «о провалившихся церквях», называя их «церковищами», «замчищами», «городками». На сегодняшний день в районе известно пять городищ. На месте одного из них в эпоху средневековья был возведен феодальный замок.

Наиболее распространенными древними погребениями в районе являются курганные могильники. Народные предания и легенды, передающиеся из поколения в поколение, часто связывают их со временами нашествия войск Карла XII или Наполеона, называя их «шведскими» или «французскими» могилами. Однако, как показывают раскопки, эти курганы, большие и едва приметные, были насыпаны нашими далекими предками-славянами в IX—XIII вв. и свидетельствуют об отношении к умершим и смерти.

Курганы — это земляные насыпи над древней могилой, круглые или овальные в плане, высотой 0,5—2,5 м, диаметром 6—19 м, полушаровидной формы. Вокруг отдельных курганов сохранились небольшие канавки (ровики), из которых брали землю для сооружения насыпи, а во время захоронения умершего здесь разводили костры. Курганы бывают одиночные (очевидно, остатки курганных могильников) или расположены группами от двух до пятидесяти и более насыпей. До нашего времени на территории Дрибинского района сохранилось девять курганных могильников.

В процессе раскопок памятников археологи находят в земле различные остатки материальной культуры древних людей: орудия труда, оружие, обломки глиняной посуды, украшения, предметы быта и произведения искусства, остатки жилищ и хозяйственных построек и т. д. Изъятые из небытия и обращенные в достояние науки, они становятся теми источниками, анализ которых позволяет нам, ныне живущим, проникнуть сквозь тьму веков и тысячелетий в тайны родной земли.

Археологические источники одновременно являются и памятниками, поскольку в них заложена информация об исторических эпохах, сменявших друг друга. Потеря археологических памятников невосполнима. Каждый из них уникален, индивидуален, неповторим.

В течение многих десятилетий в научной и особенно научно-популярной литературе повторялся тезис о том, что памятники находятся под охраной государства. Однако многие археологические объекты — стоянки и селища, курганы и городища — разрушены во время хозяйственной деятельности. Это та дорогая цена, которую мы заплатили за долготелее пренебрежение к нашей культуре.

В настоящее время правовой основой сохранения памятников археологии в Республики Беларусь является Закон «Об охране историко-культурного наследия», введенный в действие в 1993 году. В соответствии с законом вокруг археологических памятников устанавливаются охранные зоны, которые включают в себя сам памятник и прилегающую к нему территорию. В пределах охранных зон предусматривается ограничение или полное запрещение хозяйственной деятельности, способной создавать угрозу памятникам. Кроме того, на объектах, включенных в государственный список историко-культурных ценностей Республики Беларусь, устанавливаются охранные знаки и заключаются охранные обязательства с землепользователями.

За нарушение требований закона по охране, использованию, учету и исследованию культурно-исторического наследия, нарушения режима содержания охранных зон, уничтожение или создание угрозы уничтожения памятников виновные лица привлекаются к уголовной, административной, общественно-правовой или дисциплинарной ответственности. Следует предостеречь читателей от соблазна вести самостоятельные археологические раскопки без специального разрешения — «Открытого листа», который выдается только профессиональным археологам Институтом истории Академии наук Беларуси. Раскопки без «Открытого листа» считаются противозаконным действием. В этой связи и сейчас актуально звучат слова академика П. И. Кеплена, написанные в первой половине прошлого столетия: «Сведения (о курганах — В. К.), должны почитаться общественным имуществом, и оставлять их ненапечатанными почти столь же непростительно, как и раскапывать могилы по бессовестной корысти или по одному только легкомысленному любопытству. Как дни минувшие, так и самые могилы принадлежат истории, и только достойные ее служители вправе обследовать прах, некогда одушевленный». (Формозов, 1990. С. 44).

В целях обеспечения сохранности памятников археологическая лаборатория Могилевского государственного педагогического института им. А. А. Кулешова при поддержке управления культуры Могилевского облисполкома и на средства Могилевского областного краеведческого музея осуществляет обследование территории области с целью учета памятников и последующего издания археологических карт районов.

В издание об археологических памятниках Дрибинского района включены все известные на сегодняшний день объекты: стоянки, селища, городища, курганные могильники, как сохранившиеся до наших дней, так и уничтоженные, а следовательно, навсегда утраченные для науки, что оговаривается в каждом конкретном случае. Археологическая карта с планами памятников позволяет разработать для каждого из них охранные мероприятия и определить охранные зоны, организовать систематические наблюдения за состоянием памятников, оформить охранные обязательства, подписанные землепользователями и составить паспорта с коротким описанием и характеристикой каждого объекта. К охранным мероприятиям следует отнести и установку опознавательных знаков на памятниках и щитов у сельских Советов или центральных усадеб колхозов и совхозов с планами размещения памятников на их территории.

Наряду с этим, картографирование памятников даст возможность наглядно представить степень археологической изученности района. Несмотря на предпринимаемые усилия, на археологической карте каждого из районов Могилевщины все еще остается много «белых пятен». И для их ликвидации необходимо активное участие широкой общественности, прежде всего учащейся молодежи. Многие археологические памятники обнаруживаются случайно, во время распашки полей, ведения различных земляных работ. Среди находок могут быть топоры, изделия из кремня, фрагменты сосудов, различные древние предметы, которые, как правило, выявляет местное население. Эти находки нельзя оставлять без внимания. О них следует своевременно сообщать в органы охраны памятников или музеев, что позволит сохранить многие бесценные свидетельства прошлого. Получив известия о находках, археологи исследуют местонахождение найденных предметов и установят характер памятника.

Издание карты Дрибинского района позволит с наибольшей научной эффективностью использовать полевые археологические материалы, полученные экспедицией исторического факультета Могилевского педагогического института на территории района в 1980—1990-е годы под руководством автора, а также музейные собрания, архивные источники и публикации. Роль картографирования в научных исследованиях хорошо известна. Это не только фиксация территориального распространения археологических объектов, но и особая форма выражения исторического процесса путем графического изображения памятников различных эпох. И каждый из них — это страницы далекого прошлого и новый источник для археологической науки. Ни одна из научных проблем археологии, включая охрану и использование памятников, не мо-

жет быть решена без соответствующего картографического обеспечения.

Предлагаемая читателям карта археологических объектов района не только подводит итоги большой и кропотливой работы нескольких поколений археологов по обследованию и изучению памятников, но и является наиболее полным систематизированным изданием по выявленным археологическим объектам.

Карта составлена по общепринятой методике, и ее содержание раскрывает реестр, в котором дается краткое описание памятников. Все обследованные памятники имеют точную топографическую привязку к ближайшему населенному пункту, согласно современному административно-территориальному делению, а также к географическим объектам: река, озеро, урочище и т. п. В тех случаях, когда памятники имеют параллельные названия, рядом с основным приведены и другие, в скобках. Описание каждого памятника содержит сведения о местонахождении, датировке, культурной принадлежности, материалах раскопок, если такие производились на памятнике, истории исследования, а также ссылки на использованную литературу.

В связи с тем, что количество литературы по древней истории Дрибинского района ограничено, для оказания помощи учителям, краеведам, музейным работникам и общественности в издание включен раздел «Древнейшая история Дрибинского района в памятниках археологии». Свое мнение о предлагаемом издании и сведения о вновь обнаруженных археологических памятниках или их разрушении в районе просим сообщать в Могилевский областной краеведческий музей (212014, Могилев, Советская площадь, 1), или Могилевский государственный педагогический институт им. А. А. Кулешова, кафедра всеобщей истории и культуры (212022, Могилев, ул. Космонавтов, 1).

Автор считает своим долгом выразить благодарность студентам исторического факультета Могилевского государственного педагогического института им. А. А. Кулешова, работавшим в наших экспедициях с большим энтузиазмом и интересом. Он признателен научным сотрудникам археологической лаборатории Копытиной Г. Г., Чернявскому В. М., Черногалову Ю. Ф. за помощь в экспедициях, выполненные рисунки и подготовку рукописи к печати, а также всем лицам и организациям, оказавшим поддержку и помощь в проведении исследований.

ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ ДРИБИНСКОГО РАЙОНА В ПАМЯТНИКАХ АРХЕОЛОГИИ.

Физико- географическая характеристика района

Земли Дрибинского района расположены на северо-востоке Могилевской области, занимающая часть бассейна р. Прони, протекающей по Горецкой моренной равнине в пределах Оршанско-Могилевского лессового плато, входящего в состав Восточно-Белорусской географической провинции. Большая часть территории располагается на высоте 150—190 м выше уровня моря.

Рельеф района формировался на протяжении длительного периода времени, главным образом под воздействием покровных оледенений. Современная поверхность данного региона представлена моренными (ледниковыми) и флювиогляциальными (водноледниковыми) отложениями сожского оледенения (220—160 тыс. лет назад), которые на значительной территории перекрыты лессовидными породами последнего (поозерского) оледенения (100—10 тыс. лет назад).

Горецкая моренная равнина — пологохолмистая с незначительными колебаниями высот и типичными платообразными лессовидными участками или мелкоувалистая с единичными пологими холмами, расчлененная долинами рек и ручьев. Однообразие рельефа в отдельных местах нарушается краевыми образованиями сожского оледенения, которые прослеживаются в виде цепочек конечноморенных холмов или коротких гряд.

Отличительной особенностью территории является широкое распространение пылеватых лессовидных пород, которые залегают на моренных супесях и суглинках, водноледниковых песках, что обусловило интенсивное развитие балок, коротких, глубоких, крутостенных оврагов, промоин, врезаемых на глубину до 8—20 м, а по склонам речных долин — до 20—30 м. Вдоль речных долин тянутся зандры — пространства, сложенные продуктами перемывания и переотложения тальми ледниковыми водами морены — пески с волнистой или слегка всхолмленной поверхностью.

Неотъемлемой частью рельефа являются реки, игравшие исключительную роль в древности. Они были единственными удобными путями сообщения, так как прокладка сухопутных дорог через труднопроходимые девственные леса являлась делом нелегким и не всегда выполнимым. В то же время, путешествие по рекам не требовало особых усилий, будь то плавание в лодках или передвижение зимой на санях. Обилие рек и небольших речушек позво-

ляло успешно заниматься рыбной ловлей, намечало пути расселения, облегчало торговлю, сближало отдельные племена между собой.

Главная водная артерия района — красавица Проня — третий по величине и второй по водности приток р. Сож. Она берет начало из заболоченной лощины у д. Лосевка Дубровенского района Витебской области и впадает в Сож у г. Славгорода. Долина реки составляет в длину 172 км. Ее ширина постепенно вниз по течению увеличивается от 0,4—0,6 до 1—2 км. Долина Прони слабо извилистая, хорошо разработанная, глубоко врезанная. Склоны пологие и умеренно крутые, особенно правый, который является господствующим. Этот склон преимущественно открытый, у населенных пунктов распаханый. В долине реки четко выражены пойма и местами, в виде сегментов, первая надпойменная терраса, на которой расположены известные памятники каменного века. Высота террасы достигает 5—7 м, преобладающая ширина до 1 км. Ширина русла преимущественно 15—20 м при глубине от 0,2—0,5 м на перекатах до 3—5 м на плесах. Берега в основном крутые, обрывистые, сложены песками и супесями. Над руслом реки возвышается двухсторонняя пойма, пересеченная старицами и долинами небольших рек: левые — Радебка, Серпейка, Вербовка; правые — Зерня, Шиповка с притоком Продерка.

Севернее Дрибина, в районе деревень Осиновка, Ярыги, Старокожевка, лессовые отложения исчезают и все чаще встречаются пески. В месте впадения в Проню крупных притоков (слева р. Быстрой, справа р. Голыши) пойма расширяется до 3 км и кажется необозримой. В русле появляются намывные острова, число которых увеличивается вниз по течению. В пойме Прони возле Дрибина хорошо выражены три полосы: прирусловая, средняя и притеррасная. В притеррасной полосе находятся заболоченные участки, покрытые осоковыми группировками. В средней полосе произрастают многочисленные злаки, занимающие ровные, хорошо увлажненные места. У берега и на уступе поймы растут кустарники ивы и ольха серая. Нетрудно заметить, что богатые заливные луга Прони и ее притоков играли большую роль в качестве кормовой базы для развития скотоводства. Биоресурсы Прони и ее притоков (рыбы, птицы, водная растительность) имели серьезное значение лишь в эпоху присваивающего хозяйства, которое вели охотники, рыболовы и собиратели.

Почвенный покров района формируется на различного состава отложениях четвертичного периода, главным образом на пылеватых лессовидных суглинках, мощность которых колеблется от 0,5 до 2 м; в долинах рек — на водно-ледниковых и аллювиальных

отложениях. Почвы представлены дерново-подзолистыми сильно- и среднеподзоленными преимущественно палевыми. В понижениях размещаются дерново-подзолистые суглинистые почвы, в различной степени переувлажненные грунтовыми водами. Распаханность территории превышает 50%. Во все времена земля оставалась первой кормилицей, служила неходким и главным средством производства, независимо от того, охотились ли на ней, пахали ли ее или пасли на ней скот.

Характерной особенностью растительного покрова района в настоящее время является незначительная облесенность. Лесные массивы сохранились на юго-западе района и на территориях, примыкающих к долинам рек. Леса расположены разрозненными группировками площадью 10—15 кв. км. На меренной равнине распространены ельники с участками мелколиственных основных, березовых лесов. На песчаных пространствах левобережных террас хвойные и широколиственные породы.

Лес оказывал разностороннее воздействие на жизнь древнего населения, определяя производственные возможности человека. Из древесины сооружали жилища и хозяйственные постройки, избы отапливали дровами и освещали березовой лучиной. Лес одевал, кормил, служил убежищем от врагов. Одним из важнейших источников существования людей в древности была охота, чему в значительной степени способствовало повсеместное распространение лесов и их богатый животный мир: медведи, лоси, туры, зубры, олени, кабаны, косули, рыси, лисы, куницы, бобры, зайцы и т. д.

Однако с течением времени под воздействием хозяйственной деятельности человека территория, занятая лесами, сокращалась, первобытные ландшафты преобразовывались, уменьшалось количество птиц, рыб и животных. В одних случаях люди действовали стихийно, в других абсолютно сознательно.

Таким образом, природная среда является одной из составных частей материальных условий жизни человеческого общества и служит естественной основой трудовой деятельности человека. Люди во все времена объективно считались с конкретными географическими условиями и сообразно с ними строили свою жизнь. И чем глубже мы проникаем в глубь веков и тысячелетий, тем большую значимость для человека и его зависимость от природной среды наблюдаем.

История исследования археологических памятников района.

В археологическом отношении территория современного Дрибинского района изучается более сотни лет. Однако первоначально фиксировались лишь единичные, случайно выбранные памятники, преимущественно курганные могильники и городи-

ща, да и само исследование не было систематическим, всесторонним. Ряд местных памятников археологии не попадал в поле зрения ученых еще на протяжении длительного времени.

Так, в 1873 году по представлению историка-юриста, профессора Дмитрия Яковлевича Самоквасова (1843—1911 г.г.) путем анкетирования через губернские статистические комитеты были собраны сведения о городищах и курганах на территории России, в том числе и по Могилевской губернии. Усилиями А. А. Спицына, эти данные были опубликованы спустя тридцать лет, в 1903 году. По существу это была первая систематизированная сводка о памятниках археологии на интересующей нас территории, не потерявшая своего значения до наших дней. Хотя опубликованные сведения были предельно кратки и во многих случаях, кроме указания местонахождения памятника и количества насыпей в курганных могильниках, другой информации не содержали, все же они явились в дальнейшем исходной базой для составления различных, главным образом обзорных археологических карт и использовались специалистами при проведении более детальных исследований.

Мероприятия 1873 года интересны и практически важны по своим непосредственным результатам, так как многие памятники, особенно курганы, уничтожены распашкой земель, строительством дорог, зданий, добычей песка и гравия, грабителями-кладоискателями. В то же время они являются хорошим примером учета памятников, что не менее важно для последующих исследователей. Во многом благодаря анкете Д. Я. Самоквасова прозаические «земляные насыпи» предстали в глазах историков и краеведов, а также местного населения памятниками древней истории своего края.

По сведениям 1873 года на территории современного Дрибинского района было известно только пять памятников: курганные могильники возле деревень Кищицы (4 насыпи), Коровчино (6 насыпей), Пудовня (3 насыпи), Слободка Коровчинская (1 насыпь), Черневка (50 насыпей).

Дальнейшее изучение археологических памятников на территории района в конце XIX — начале XX вв. связано с деятельностью известного белорусского этнографа и археолога Евдокима Романовича Романова (1855—1922 г.г.).

Работая инспектором народных училищ Могилевской губернии в 1895—1906 гг., Е. Р. Романов собирал материалы к археологической карте путем опроса местного населения, запросов сведений из волостных правлений, изучения литературных источников и посредством личных наблюдений во время инспекционных поездок и экскурсий. Ученый готовил карту к IX археологическому съезду в Вильно, который состоялся в августе 1893 г. По неизвестным до-

наше приращение этот труд не был издан, и рукопись хранится в историческом архиве во Львове.

Вклад Е. Р. Романова в археологическое изучение Могилевской губернии трудно переоценить. Многие сведения исследователя являются единственным источником информации об уничтоженных памятниках. Неизданная карта Е. Р. Романова не потеряла своего значения до нашего времени, поскольку археологи обращаются к ней как к справочнику, разыскивая сведения о памятниках, обнаруженных в прошлом веке. Ее данные свидетельствуют о том, что, наряду с уже отмеченными выше, Е. Р. Романову были известны курганные могильники у деревень Затопы, Зубовка, Новоселки, две курганные группы возле Рясно и д. Солнечная, которая до 1969 г. называлась Чертовщина.

Систематическое изучение белорусских древностей началось в 20-х годах текущего столетия. Оно проводилось под руководством созданного в 1921 г. Института белорусской культуры, преобразованного в 1929 г. в Белорусскую Академию наук. Исследования охватили не только новые, ранее неизученные территории, но и вновь выявленные памятники различных эпох.

Одной из характерных особенностей 20—30-х годов XX века являлся обостренный интерес общественности к истории родного края, в том числе и к археологическим достопримечательностям. Ведущая роль при этом принадлежала краеведческим обществам. Так, в Ряснянском районном краеведческом обществе была создана историко-археологическая секция, собиравшая сведения о курганах с целью составления археологической карты (Савецкая Беларусь, 1926, № 247). К сожалению, судьба собранных материалов неизвестна. О работе Дрибинского районного общества краеведения интересные сведения содержатся в статье Д. Витаня «Спадчына мінулага» (Савецкая Беларусь, 1925, № 270), в которой автор дает описание курганного могильника возле д. Студенец, где был найден клад гривен князей Древней Руси: Владимира Святого и пр.; указывает местонахождения городища и селища возле д. Верба, городища в д. Новое Прибужье, описывает курганный комплекс возле д. Каробы (Головнич), ряд местонахождений каменных топоров.

Сведения о городище у д. Старое Прибужье содержатся в статье известного краеведа Д. М. Василевского «З матэрыялаў да археалагічнай карты Аршанскай акругі» (Наш край, 1925, №№ 6—7. С. 66).

В 1930 г. в бассейне р. Проня в пределах Дрибинского района работала комплексная экспедиция, занимавшаяся этнографо-архе-

ологическими проблемами. Ее сотрудник Н. А. Сербов обследовал городище, селище и курганный могильник у д. Вербы, провел раскопки одного кургана возле д. Каробы, в котором обнаружил женское захоронение с разнообразными украшениями конца X—XI вв.

Однако столь успешно начатые работы были прерваны массовыми репрессиями археологов Беларуси, свертыванием краеведческого движения и Великой Отечественной войной. В целом, говоря об археологических исследованиях в довоенный период, следует отметить, что изучение древностей не прошло бесследно. Многие данные, полученные в то время, явились важным звеном в восстановлении древней истории нашего края.

Дальнейшее обследование археологических памятников района связано с подготовкой «Свода памятников истории и культуры Могилевской области» и работами археологического отряда исторического факультета Могилевского государственного педагогического института им. А. А. Кулешова под руководством автора. Обследование района проводилось сотрудниками Отдела археологии Академии наук Беларуси В. И. Шадыро, В. Е. Кудряшовым и Могилевского областного краеведческого музея А. А. Сединым.

В результате впервые были выявлены памятники каменного века и началось их планомерное систематическое изучение. Проведены раскопки стоянок неолита возле Дрибина, деревень Каробы и Полоски, шурфовка селища и городища у д. Затоны, обследованы новые, ранее неизвестные памятники. Собранные материалы позволяют, хотя и схематично, но достаточно определенно нарисовать картину исторического развития древнего населения на территории современного Дрибинского района на протяжении нескольких тысячелетий.

Очерк древней истории.

Достоверные сведения о появлении человека на берегах р. Прося относятся к каменному веку.

Каменный век — древнейший период человеческой истории по археологической периодизации. Он начинается с появлением первых каменных орудий труда свыше двух миллионов лет назад и завершается знакомством людей с металлами, что на территории Беларуси произошло около пяти тысяч лет назад. Ни кость, ни дерево, ни другие материалы, известные древнему человеку, не выдерживали соперничества с камнем. Повсеместная распространенность, доступность, обладание такими ценными качествами, как твердость, способность подвергаться обработке, делали камень, в частности кремень, незаменимым материалом в производственной деятельности человека.

Благодаря устойчивости к разрушению, в отличие от изделий из кости и дерева, каменные орудия сохранились до наших дней и позволяют составить представление об основных этапах развития материальной культуры. Так, в каменном веке выделяют палеолит (древний каменный век: 2,5 млн. лет — 10 тыс. лет назад), мезолит (средний каменный век: 10—7 тыс. лет назад) и неолит (новый каменный век: 7—5 тыс. лет назад).

В каменном веке человечество сделало ряд выдающихся открытий, которые мы используем до настоящего времени. Древние люди научились пользоваться огнем, шить одежду, строить жилища, изобрели средства передвижения: лодки, лыжи, сани, а также разнообразные орудия труда и предметы обихода. Сотни тысяч лет развития подготовили переход от охоты, собирательства и рыболовства к земледелию и скотоводству, а затем к эпохе металлов и образованию первых государств. Иными словами, современная цивилизация немыслима без этого длительного периода истории.

Древнее население, жизнь которого во многом зависела от природной среды, имея ограниченные возможности, вооруженное только камнями, костяными и деревянными орудиями труда, начало обживать этот край более 10 тысяч лет назад. Именно с данного периода начинается отсчет истории для обитателей Дрибинского района.

Мы пока далеки от возможности дать полную и яркую картину жизни древних людей в то время, многое еще скрыто от нас, а полученный материал ограничен для исторических выводов. Немногочисленные памятники каменного века позволяют лишь в общих чертах осветить первые, наиболее «темные» страницы древнейшей истории района.

Около 15—20 тысяч лет назад северная часть Беларуси представляла собой безлюдный мир ледников. Гигантские массы льда неудержимо продвигались к югу, безжалостно погребая под собой равнины, возвышенности, леса и реки. Граница предельного распространения ледников проходила по линии Вильнюс—Орша—Смоленск, а мощность активного льда достигала здесь высоты более 100 метров. В непосредственной близости от фронта ледника в период его таяния, развивалась сеть беспорядочных, непостоянных, изменчивых плоскостных потоков талых вод, широко разливавшихся на обширных прилегающих пространствах.

Близость ледника с интенсивными процессами таяния и льдообразования исключала возможность заселения территории района в то время.

Около пятнадцати тысяч лет назад началось таяние ледникового покрова. Северная Беларусь постепенно освобождалась ото

льда, стали формироваться современные ландшафты, знакомые нам очертания приобретали реки, а место тундры заняли таежные леса. Северные олени, песцы, овцебыки вслед за отступающим ледником ушли на Крайний Север. Мамонты, шерстистые носороги, пещерные медведи, гигантские олени вымерли или были перебиты перлюбитными охотниками. По мере сокращения ледников древнее население вслед за северными оленями упорно продвигалось в высокие широты, обживая территории, освобожденные от ледяного панциря.

Завершение ледникового периода совпало с началом мезолита — археологической эпохи, следующей за палеолитом. Поиски стоянок мезолита — дело чрезвычайно трудное, поскольку места для них выбирались на песчаных участках надпойменных террас или на дюнных всхолмлениях по берегам рек, которые позднее подвергались развеванию. В песчаных грунтах не сохраняются ни кость, ни дерево и единственным источником информации о давно ушедших временах остаются каменные орудия. Именно они являются ценнейшим даром наших предков современным исследователям, помогающим раньше или позже вернуть из глубин исторической памяти многое из того, что составляло повседневную жизнь и титанический труд наших предшественников.

На сегодняшний день в Дрибнском районе известны единичные мезолитические стоянки, которые изучались путем сбора подъемного материала или незначительной шурфовкой. в связи с чем к мезолиту их относят лишь предположительно. Более определенно об этих памятниках можно будет судить после проведения стационарных раскопок и получения представительных коллекций кремневого инвентаря.

Одна из стоянок расположена в 500 м юго-западнее Дрибна, на левом берегу Проня, в 400 м южнее моста. Здесь на развеванных песках собраны типично мезолитические орудия труда: скребки, резцы, острья.

Вторым мезолитическим памятником является стоянка в 2 км южнее д. Крюковщина, занимающая дюнное всхолмление на левом берегу р. Проня при впадении безымянного ручья. На мезолитический возраст памятника указывают находки черешкового наконечника стрелы, ретушных резцов, концевых скребков и т. п.

Из других памятников названной эпохи следует отметить стоянку у д. Основка, на которой собрана серия правильно ограниченных пожевидных пластин. Определенный интерес представляет стоянка у д. Слободка Коровчинская. Собранный здесь кремневый инвентарь удивительно красив. Темно-серый кремнь покрыт лег-

кой синеватой патинной, а удлиненные пропорции скребков, резцов, острый придают изделиям особую изящность.

Культурный слой с находками мезолитического времени обнаружен в шурфах на стоянке у д. Затоны-1. Единичные мезолитические находки орудий труда известны у дд. Вербовка и Каменка.

Эпоху мезолита можно считать периодом своеобразного эксперимента, временем адаптации древних людей к изменившимся природным условиям. В течение относительно короткого исторического периода, на протяжении двух-трех тысячелетий первобытные охотники, жившие в окружении суровой арктической природы, превратились в жителей умеренной лесной зоны с иным растительным и животным миром. Созданная в предыдущую эпоху, культура позднего палеолита существовала за счет охоты на крупных животных — мамонта, шерстистого носорога, пещерного медведя, северного оленя и др. Однако в новых условиях, в связи с потеплением климата, распространением лесов, исчезновением «мамонтова-фаунистического комплекса» она неизбежно должна была смениться культурой другого типа. Появление современной фауны стимулировало возникновение более совершенных приемов охоты и нового охотничьего вооружения.

На лосей, кабанов, волков, лисиц, зайцев и других современных животных нельзя было охотиться с помощью огня и загона. Охотник не мог убить животное, которое передвигалось быстрее человека, причем не всегда в стаде, часто поодиночке. И люди изобрели самое совершенное дистанционное оружие древности — лук и стрелы. Идея полета смертоносного оружия была заложена еще в палеолитической копьеметалке. И если раньше, во время загонной охоты, чтобы поразить зверя копьем, нужно было приблизиться к нему вплотную, что иногда заканчивалось для охотника трагически, то теперь стрела настигала животное издалека. По данным этнографии известно, что скорострельность у хорошего лучника достигает двенадцати выстрелов в минуту, а дальность полета стрелы — до 400 м. В лесной зоне широко использовались деревянные стрелы, для изготовления которых применялся специальный инструмент — скобель или изделие с выемкой (небольшое кремневое орудие, имеющее по краю выемку для обработки деревянных древков стрел). Стрелы снабжались кремневыми или роговыми наконечниками.

В Верхнем Поднепровье широко представлены гренские ассирийские черешковые и свидерские вербовлистные наконечники, вызывающие на заселение региона из южных и западных областей.

Лук и стрелы позволили расширить сферу охотничьей дея-

тельности и придать ей избирательный характер. Отпала необходимость в загонной охоте большими коллективами людей. Охота становится индивидуальной или в ней участвует небольшое количество охотников. С этого времени верным помощником человека становится собака — первое животное, прирученное в лесной зоне Европы. Индивидуализация охоты стимулировала большую подвижность, быстрое освоение новых пространств, что в свою очередь вело к расширению контактов, передаче информации, развитию обмена.

Очень скоро лук и стрелы стали больше, чем орудие войны и охоты. Новое изобретение породило другие. На основе лука, посылавшего смертоносные стрелы, была создана лучковая дрель. а стрелка превратилась в сверло, помогающее сделать отверстие в камне и кости. Широко стал применяться способ «высверливания» огня из дерева.

Среди прочих достижений мезолита следует выделить использование вкладышевой техники и составных орудий, которые в случае поломки можно было быстро восстановить, заменив испорченную часть. Если ранее все орудия изготавливались целиком из кремня, то сейчас, в ряде случаев, из кремня делали лишь рабочую часть — скребущую, режущую, колющую. В качестве вкладышей использовались так называемые «микролиты» — небольшие кремневые изделия (до 1,5 см) правильных геометрических очертаний в виде трапеций, треугольников, сегментов, которые вставлялись в деревянную, роговую или костяную оправу. Так создавалась удобная рукоятка и быстрее изготавливалось орудие, которые были значительно прочнее изделий из тонких ножевидных пластинок, менее трудоемки в изготовлении, обладали довольно острым рабочим краем и, в то же время, не нуждались для своего производства в крупных конкрециях кремня. В результате перехода к вкладышевой технике человек перестал зависеть от наличия далеко не везде распространенного мелкого кремня и не случайно поэтому вкладышевая техника дожила до века металлов.

В мезолитическую эпоху древнее население наряду с охотой занималось собирательством и рыболовством. Выбор растительной пищи был достаточно разнообразен: ягоды, грибы, фрукты, орехи, семена, листья, побеги, корни и пр. Рыболовство стало для человека первым шагом к оседлости, пусть даже временной. Дело в том, что обжарить рыбу могли только сети и разнообразные ловушки — верши, заколы, сзы и др. За ними требовалось постоянное наблюдение с целью извлечения рыбы, перемены места, ремонта. С внедрением таких орудий, как гарпуны, рыболовные крючки, сети, появлением лодок были созданы предпосылки для

развития комплексного охотничье-рыболовного хозяйства.

Следовательно, люди мезолита в новых условиях расширили базу своего пропитания собирательством, рыболовством, но охотничий уклад оставался основой решения проблемы пищи, о которой еще никто не сказал, что она тривиальна из-за своей повседневности. «Не хлебом единым...» — было сказано гораздо позже.

В конце V — начале IV тыс. до н. э. произошел переход от мезолита к неолиту — новому каменному веку. Новым в неолите был не камень, а идеи, которые в него вкладывал человек. Неолит известен многими открытиями в развитии первобытной техники. Появляются орудия, изготовленные из более мягких пород камня: днорита, песчаника, сланца, требующие иных, чем кремь, технологических приемов обработки (пиление, шлифование, сверление). Острый, но хрупкий кремь уже не всегда мог удовлетворить человека. В результате появились другие материалы, более прочные, более вязкие, которые не крошились при ударе, и новые способы обработки камня, позволившие использовать мелкозернистые и кристаллические породы, и дающие возможность воплотить в таком материале любую идею мастера, достигнуть удивительного совершенства формы при максимальной целесообразности.

Широкое распространение получили рубящие орудия — топоры, тесла, долота. С их помощью обрабатывалось дерево для строительства жилищ, хозяйственных сооружений, средств транспорта (изготовление лыж, лодок, плотов), производства домашней утвари, орудий охоты и рыболовства. Позднее с появлением земледелия каменными топорами вырубали лес, а в случае необходимости они превращались в грозное оружие. Эксперименты С. А. Семенова показали, что на изготовление одного шлифованного топора из мягкого камня (сланца), вполне пригодного для рубки дерева, затрачивалось 2.5—3 часа.

Дошедший до нас производственный инвентарь эпохи неолита состоит, главным образом, из орудий охоты: наконечников стрел и дротиков ромбовидной или треугольной формы, различных острий, а также средств обработки охотничьей добычи: резцов, ножей, скребков, проколок, сделанных из кремня.

Самая многочисленная категория среди кремневых орудий — скребки, которые иногда составляют в коллекции больше половины изделий со вторичной обработкой. В них заложена наиболее простая идея — скрести, выскабливать. Но по мере того, как разнообразилось применение орудий, менялись и они сами, их форма, размеры, угол рабочего края. Для шкур животных, с которых

скребками снимались остатки жира, во избежание гниения шкуры и меха, чтобы кожа была мягкой и эластичной, нужны были скребки широкие, с прямым или слегка выпуклым лезвием; для выделки деревянной посуды, обработки кости и рога использовались особые скребки — толстые, узкие, с крутым и прочным рабочим лезвием; для домашних работ требовались иные скребки — маленькие, круглые, с более острым лезвием, которым можно было кроить шкуры, затачивать кость, перерезать жилы и т. п. Скребки закреплялись в деревянных рукоятках или в трубчатой кости. Для выскабливания угля после выжигания крупных деревянных изделий, в частности лодок-однодревок, использовались скребла.

На неолитических стоянках одной из частных находок являются ножи из местного темно-серого кремня. Они отличаются совершенством форм и тщательностью отделки режущего лезвия.

Большинству технических достижений нашей современной цивилизации предшествует непрерывная цепь изобретений, начало которых скрыто во тьме веков. Природа дала человеку не только жизнь, она постоянно подсказывала идеи для его творчества на благо людей. Так, для хранения и переноски воды сначала использовали кожаные мешки или берестяные сосуды. В неолите научились делать сосуды из глины. Но что интересно?! У первых сосудов дно было не плоское, а округлое. Существует гипотеза, согласно которой древние гончары придавали своим изделиям форму яйца, позаимствовав ее у природы.

Из мягкой и податливой глины человек создал первый искусственный камень — керамику, в которую превращается глина при обжиге. Глиняный горшок был не просто первой кастрюлей для приготовления и хранения пищи. Он стал хранилищем жизни, прообразом холодильника, склада и пр. Появление посуды было необходимым условием для последующего развития охоты, рыболовства и собирательства, перехода к оседлому образу жизни. Появилась возможность создавать постоянные запасы пищи, что избавляло от повседневной заботы о ней, позволяло использовать свободное время на творчество, на познание окружающей среды.

Наиболее ранняя керамика в лесной зоне Восточной Европы, датированная с помощью радиоуглеродного метода, относится к последней четверти V тыс. до н. э. Фрагменты сосудов, будучи самой массовой категорией находок на поселениях неолита, дают много информации о древнем гончарном производстве, о возросшем опыте людей в использовании природных ресурсов и даже о мировоззрении наших предков. В настоящее время археологами деталь-

по изучены все аспекты этого древнего ремесла, включавшего различные операции, нередко трудоемкие и требующие определенных навыков. Подготовительные работы включали поиски глины необходимого качества, ее доставку, тщательное вымешивание, замочку и сушку для придания необходимой эластичности. Затем из глины вытягивали жгуты, которые после разминания превращали в ленты. Последние накладывали друг на друга ребром по спирали или отдельными кольцами. Такой способ изготовления сосудов называется ленточным.

Преобладающим типом глиняной посуды были сосуды полувойцедной формы с округлым или заостренным дном, толстыми стенками (до 1,5 см), с прямыми венчиками, украшенными одним-двумя рядами вдавлений круглым стержнем в виде ямочек или сквозных отверстий. Изготовление сосудов с коническим дном свидетельствует о приготовлении пищи на костре, а наличие плоскодонной посуды указывает на использование стола и печи с подом.

Поверхность сформированных сосудов заглаживали с помощью специального лощила, зубчатого штампика или просто пучком травы. Применялось также внешнее покрытие сосудов жидким раствором глины — ангобирование. Весьма ответственным делом был обжиг посуды, для чего сооружались особые костры. Перед обжигом на сосуды наносился орнамент, которому придавалось особое значение. Создавая его, руки опытных мастериц следовали обычаям и традициям рода. С внешней стороны сосуды почти сплошь покрывались различными узорами, преимущественно ямочками вдавлениями и отпечатками мелкозубчатой гребенки. Для нанесения орнамента использовали палочки с острым концом, иногда обмотанным шнуром, кости мелких животных, раковины, край которых оформлялся в виде гребенки, ногтевые вдавления, зашпаны пальцами и т. д. По данным исследователей, в неолите Верхнего Поднепровья известно более ста элементов орнамента, с помощью которых создавались до ста тридцати композиций в виде ромбов, треугольников, «елочек», диагональных полос, представляющих собой яркий пример древнего изобразительного искусства. Они свидетельствуют о глубоком восприятии первобытными охотниками гармонии окружающей природы. Кроме того, в системе орнаментов находят отражение особенности темперамента, склада характера и наклонности людей, которые их создавали и вкладывали в них частицы своего тепла и души. Археологам известно, что стиль и элементы орнамента, его композиция, а порой и прием нанесения, передают этнические особенности определенных групп людей, что позволяет выявлять территории распространения носителей различных археологических культур, пути их передвиже-

ния, взаимосвязи с соседями¹ и пр. Глиняная посуда, вернее, ее обломки (фрагменты), являются одним из самых массовых археологических источников. Особенную познавательную ценность представляют форма сосудов, пропорции отдельных ее частей, технология изготовления, указанная выше орнаментация, в которых проявляются глубокие и устойчивые традиции отдельных первобытных коллективов. Поэтому наиболее часто исследователи опираются на керамический материал при определении культурной и хронологической принадлежности археологических памятников, установлении генетической связи между культурами, их специфики.

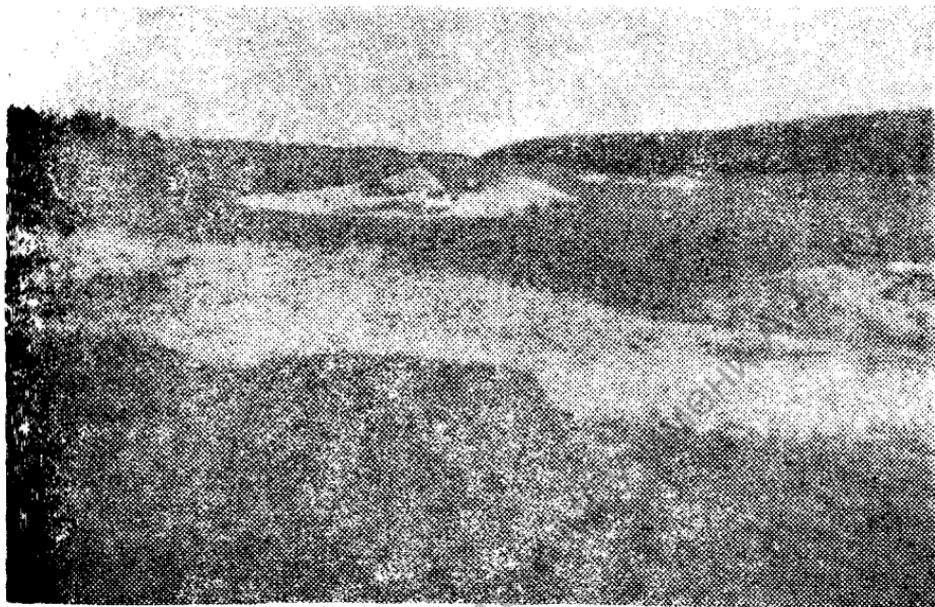
Изготовлением посуды в эпоху неолита занимались главным образом женщины, о чем свидетельствуют отпечатки женских пальцев на поверхности некоторых сосудов.

Еще одним изобретением неолита, также связанным с женским трудом, явилось производство тканей. К сожалению, остатки ткани в археологических памятниках того времени не сохранились, но косвенные данные позволяют сделать такой вывод. При раскопках находят сосуды с оттисками ткани и пряслица из камня или глины, представляющие собой кружочки с отверстием в центре для насаживания на деревянное веретено. Они служили в качестве маховика, придавая вращению веретена равномерный и длительный характер. Волокно для изготовления нитей выработывалось чаще всего из конопли и крапивы. Позднее, с появлением скотоводства, люди научились делать и шерстяные ткани.

В эпоху неолита территория современного Дрибинского района представляла собой зеленый ковер из девственных широколиственных лесов с синими лентами красавицы Прони и ее притоков. По климатической шкале это соответствует атлантическому периоду с теплым и влажным климатом, когда сложились исключительно благоприятные условия для развития охоты, собирательства, рыболовства. Реки и озера были богаты рыбой, леса хранили большие запасы растительной пищи. Изучение остатков костей животных на памятниках неолита указывает на то, что основными объектами охоты были лоси, благородные олени, кабаны, косули, зубры, бобры, волки и др.

¹ Под археологической культурой имеют в виду условный термин для обозначения группы археологических памятников, близких между собой по керамике, кремневому инвентарю, устройству жилищ, погребальному обряду, произведениям искусства и т. д., которые бытовали в одно историческое время на определенной территории.

Среди неолитических поселений, обнаруженных на территории Дрибинского района, путем раскопок исследованы стоянки возле Дрибина и деревень Каребы и Полоски.

Раскопки Дрибинской стоянки.

На сегодняшний день наиболее изучена стоянка у д. Каребы, расположенная на живописном берегу р. Проня, возле устья р. Сср-шейка. В пределах раскопа, на площади 168 кв. м обнаружены многочисленные пластины и отщепы, полученные в результате обработки кремня «каменных дел мастерами», фрагменты керамики, разнообразные орудия труда, которые можно разделить на ряд групп по функциональному назначению. Это средства для обработки дерева, кожи и кости — топоры, тесла, скребки, резцы, скобели, проколки. Здесь же орудия охоты и рыболовства — наконечники стрел и дротиков, ножи, для обработки камня — отбойники и ретушеры. По этому набору кремневого инвентаря легко представить основные виды хозяйственной деятельности обитателей этих мест:

Фрагменты глиняной посуды указывают на то, что жители поселка пользовались большими (до 30 см высоты) толстостенными сосудами, с округлым или приостренным дном, орнаментированными под венчиком, круглыми ямочными вдавлениями и отпечатками гребчатого штампа на стенках сосудов в виде «елочки».

Материалы раскопок дают отчетливое представление о своеобразной древней культуре, которую археологи назвали верхнеднепровской. Население этой культуры занимало обширные пространства по верхнему течению Днепра и его притоков: Березины, Друти, Сожа, Прони. Исследователи считают, что своим происхождением она обязана местному мезолитическому населению. Эта гипотеза позволяет сделать вывод о том, что основной субстрат неолитического населения в бассейне Прони сложился в мезолитическое время и сохранился до конца каменного века.

На рубеже III—II тыс. до н. э. на территории современного Дрибинского района появилось новое население. Оно принесло свой, отличный от местных жителей, взгляд на мир, новое отношение к этому миру, новые возможности его преобразования. Это были первые скотоводы и земледельцы, первые металлурги. Они двигались несколькими миграционными волнами из бассейна Среднего Поднепровья, чем и объясняется выделение исследователями новой культуры, названной среднеднепровской. Да, эти люди были здесь пришельцами. Ни обликом своим, ни хозяйством и обычаями не похожие на местных охотников и рыболовов. Используя открытые пространства, расчищая от кустарников поймы рек и ручьев, не посягая на охотничьи и рыбные угодья аборигенов, хотя и не отказываясь от них, они жили в мире и согласии с местным населением. В результате разрушалась былая замкнутость древних общин, а среднеднепровцы оказались посредниками между ними и теми цивилизациями далекого юга, откуда приходили новые идеи, новые навыки хозяйствования вместе с семенами культурных растений, домашними животными, искусством ткачества, строительства домов, изготовления повозок и многого другого.

Однако самым главным новшеством того времени стало знакомство с металлами и начало использования их для изготовления орудий труда и оружия. Ведущую роль в этом процессе играла медь, а затем сплав меди и олова — бронза. Отсюда название очередного периода в древней истории человечества — бронзовый век.

Отсутствие собственных месторождений меди и олова, составных компонентов для изготовления бронзы заставляло металлургов интересующей нас территории работать на привозном сырье. С одной стороны, это способствовало усилению связей с отдаленными южными регионами. С другой стороны, возможности ввоза металлов, поступавших преимущественно с Балкан и Кавказа, были в то время крайне ограничены. Не случайно поэтому наряду с бронзой для изготовления орудий по-прежнему широко использовался камень.

Нововведения бронзового века произвели коренной переворот

в самой основе жизни местного населения — в производстве, в способах добывания пищи. На смену первобытному, присваивающему хозяйству (охота, рыболовство, собирательство), пришло производящее — скотоводство и земледелие, знаменуя собой закат каменного века. Древнейший период истории Дрибинского района смеялся древним.

Среднеднепровское население в юго-восточной Беларуси обитало длительное время — почти тысячелетие, и одновременно с ними жили и изменялись охотничьи племена, населявшие эту территорию в предшествующее время. В таком сосуществовании для обеих сторон была, очевидно, определенная выгода, а с течением времени, по данным антропологии, произошло и слияние этих групп населения, в результате чего возникла новая животноводческо-земледельческая культура с общим индо-европейским языком, с общими верованиями, общим взглядом на мир, отголоски которого исследователи по крупницам собирают в древнеиндийских текстах, в древнеиранском зороастризме, в системе религиозных воззрений славян-язычников, древних балтов и кельтов.

Интерес, который вызывает проблема среднеднепровской культуры, обусловлен тем, что многие археологи включают ее в круг «культур шнуровой керамики» или «боевых топоров», охватывающих огромные территории от Финляндии и Швеции на севере до Карпат на юге, от Приуралья на востоке до Рейна на западе. В то время наметились важные объединительные тенденции, вызванные к жизни общим экономическим базисом — скотоводческим укладом, приведшим к формированию одной из групп древних индоевропейцев — предков славян, германцев, балтов.

История среднеднепровских племен изучается по материалам раскопок поселений и могильников, которые, к сожалению, до настоящего времени в Дрибинском районе не выявлены. Известны единичные находки каменных топоров и фрагменты керамики — эти «низитные карточки» археологических эпох, как верно подметили ученые. Особенно интересны каменные топоры с просверленным отверстием для крепления на деревянной рукояти, отшлифованные, изящные в своем совершенстве, имеющие украшения в виде рельефных полос по длинной оси, имитирующих литейные швы, подобно бронзовым изделиям. Эти «боевые топоры», как их сразу же окрестили, были чрезвычайно похожи на томогавки североамериканских индейцев и, по-видимому, при жизни их владельцев, выполняли те же функции.

Существенные изменения произошли в керамическом производстве: в орнаменте, в технике изготовления посуды, ее формах. Восстанавливая облик среднеднепровских сосудов, можно заме-

тить, что они уже похожи на современные глиняные горшки: есть у них и перехват шейки, и выпуклые плечики, и сужающееся к низу тулово, а главное — появилось плоское дно, указывающее на то, что горшки эти ставили не в песок, а на пол, деревянный, плоский, равно как и на стол, на полки, которые возможны только в деревянном рубленном доме.

В заключение следует отметить, что в бронзовом веке сложились патриархальные отношения, большесемейная община и парная семья. Сочетание этих общественных структур свидетельствует о разложении первобытнообщинного строя. В это время люди вплотную подошли к неисчерпаемому источнику своего грядущего благополучия в облик нового металла — железа, а вместе с ним — к новой археологической эпохе — железному веку (VIII в. до н. э. — V в. н. э.).

Освоение железа не было обычным техническим открытием. Оно произвело подлинный переворот в жизни человеческого общества, стало началом новой исторической эпохи со своеобразными формами общественного развития, быта, культуры, идеологии. Новый металл не только расширил практические возможности людей в материальном производстве, он привел к значительным изменениям социальных порядков. С увеличением производительности труда в руках людей стали накапливаться излишки продуктов, которые в свою очередь или приводили к развитию обмена (позднее — торговли), или же становились добычей более агрессивных соседей.

Общедоступность железных руд и высокие качества нового металла позволили вытеснить из производственной сферы камень и бронзу. Первоначально железо получали из обычной болотной руды, которая в Беларуси имеет повсеместное распространение. Для получения металлического железа требовалось расплавить руду при температуре выше 1500°C , что в условиях открытого костра или примитивной печи достичь было невозможно. Однако древние мастера научились выделять железо из руды при сравнительно низкой температуре. Это стало возможно благодаря изобретению сыродутного процесса, суть которого состояла в следующем. После добычи руда предварительно подвергалась обработке путем размельчения, просивания, промывки и просушки. Такая операция, называемая обогащением руды, обеспечивала ее частичное очищение от естественных примесей. Затем руду вместе с древесным углем загружали в особую печь — домницу, сложенную из камней, обмазанных глиной, иногда целиком глиняную, с отверстиями по бокам, в которые вставлялись глиняные трубки-сопла, а на них надевались обычные кожаные кузнечные меха.

Горение угля в печи поддерживалось нагнетанием воздуха с

помощью мехов. Поскольку в печь подавался «сырой» воздух, этот процесс и получил название сыродутного. В результате горения угля выделяется окись углерода, нагревающая руду, и происходят соответствующие химические реакции, благодаря которым окись железа в руде восстанавливается до металлического железа, а другие породы руды расплавляются и в виде шлаков оседают на дне печи. Образование шлака происходит при температуре 1030°C, когда восстановленные зерна железа еще остаются в твердом состоянии. При 1300—1400°C эти зерна чистого железа превращаются в цельную пористую массу, называемую крицей (отсюда — кричное железо). Следовательно, в раннем железном веке металл получали не в жидком, а размягченном состоянии, и вещи из него не отливали, а отковывали. Извлеченная из печи крица оставалась пропитанной некоторым количеством расплавленного шлака и содержала примеси. Для получения чистого сырья крицу подвергали дополнительному прокаливанию и обработке (уплотнению), после чего кузнецы использовали ее для изготовления различных орудий труда и оружия.

Распространение железа знаменовало собой технический переворот, который намного расширил власть человека над природой. Железный топор и соха с железным лемехом позволили значительно увеличить площади обрабатываемых земель в лесных районах, где широкое развитие получила подсечно-огневая система земледелия. Железные серпы и косы дали возможность в достаточных количествах заготавливать корма для скота. Ускорились темпы развития ремесел, в частности кузнечного и оружейного. Железные топоры, тесла, долота позволили широко использовать в производственных целях древесину.

Названные изменения привели к появлению регулярного прибавочного продукта, явившегося экономической предпосылкой эксплуатации человека человеком. Возможность обогащения за счет чужого труда путем грабежа имущества, продуктов питания и порабощения населения породила войны. Стремление защитить жизнь и имущество сородичей от набегов недружелюбных соседей, в свою очередь, привело к строительству укрепленных поселений — городищ. Именно они являются основными археологическими памятниками раннего железного века на территории района.

Городища известны у деревень Вербя, Городецк (Новое Прибужье), Старое Прибужье, Затоны-1-е, Новоселки (Городок). По реке Проня и ее притокам, на высоких берегах, изрезанных балками и оврагами, нетрудно и сейчас заметить следы укрепленных поселений. Для создания городищ выбирались естественно защищенные места, иногда труднодоступные. Прежде всего, это высокие

Вид на городище у д. Затоны-1-е.

Вид на городище у д. Городецк.

масы по берегам рек, особенно часто в местах их слияния или между оврагами. С двух или даже трех сторон такой поселок был надежно защищен крутыми склонами и водными преградами. Единственное доступное для нападения направление находилось, как говорят археологи, с «напольной стороны». Здесь возводились искусственные укрепления — рвы и валы. Рвы располагались с внешней стороны вала или между двумя валами. Высота валов от дна рва достигала 6—8 м, а иногда и более. По краю жилой площадки городища и на валах возводили дополнительные укрепления — деревянные стены или частокол из вертикально врытых, заостренных в верхней части, бревен. Многометровой высоты валы вместе со рвами и деревянными оборонительными конструкциями были достаточно серьезной защитой от вражеских набегов.

За оборонительными стенами население ютилось в жилищах — полуземлянках, реже в наземных домах. Полуземлянки представляли собой прямоугольные в плане сооружения, углубленные в землю на 1—1,5 м, площадью 12—16 кв. м. Часть постройки возвышалась над землей. Стены заглубленной части (котлована) обшивали деревом. Деревянная конструкция продолжалась и выше, переходя в крышу. Крыша была двух- или трехскатной и покрывалась соломой, камышом или дерном.

При раскопках городищ археологи, как правило, находят культурный слой, содержащий остатки материальной жизни. Иногда встречаются укрепленные поселения без культурного слоя, представляющие собой городища-убежища, где население укрывалось лишь в момент опасности. В качестве примера можно привести городище-убежище возле д. Затоны-1-е, рядом с которым расположено селище. Оба памятника составляют единый комплекс, поскольку население, жившее на селище, во время военных набегов, укрывалось за стенами городища.

При определении культурной принадлежности городищ, археологи чаще всего не используют керамику. Обыкновенные разбитые сосуды, особенно в тех случаях, когда городища не подвергались раскопкам, как это имеет место в Дрибинском районе. Судя по находкам фрагментов керамики, обнаруженной на селище у д. Затоны-1-е и городищах у дд. Верба и Новоселки, здесь обитали носители культуры штрихованной керамики, зарубинецкой и днепродвинской культур.

Основу хозяйства населения этих культур составляло подсечное земледелие, на что указывают находки проушных топоров, серпов и жатвенных ножей. Выращивали пшеницу, просо, горох, бобы, вику. Значительное место в хозяйстве занимало скотоводство и охота, о чем свидетельствует анализ остеологических мате-

риалов. Разводили коров, свиней, лошадей, овец. Важную роль продолжали играть собирательство, рыболовство, бортничество. Повсеместно были развиты домашние промыслы — гончарство, ткачество, прядение, обработка дерева, кости, кожи.

Время существования культуры штрихованной керамики охватывает более тысячи лет (VII в. до н.э. — V в. н.э.). В середине I тыс. н.э. жизнь на городищах прекращается и, как свидетельствуют материалы раскопок, многие из поселков погибли в пламени пожаров в результате вражеского нашествия. Своё название эта культура получила по своеобразному орнаменту на сосудах, поверхность которых с внешней, а иногда и с внутренней стороны была покрыта штрихами, нанесенными пучком соломы или травы по необожженной глине.

Для культуры штрихованной керамики характерны большие наземные деревянные дома с односкатной или двухскатной крышей, разделенные на несколько секций, площадью по 22—25 кв. м. Внутри этих помещений находились открытые очаги, круглые или овальные в плане, размером 1,2—1,5 м. Не исключено, что древнейшие в Белоруссии постройки срубного типа были созданы именно населением этой культуры.

Самой многочисленной категорией находок на селищах и городищах культуры штрихованной керамики, являются фрагменты сосудов. Первоначально они имели баночную форму с прямым или несколько отогнутым наружу венчиком, выпуклым туловом и плоским дном. Помимо штриховки сосуды украшались ямочными вдавлениями. Позже, в IV—I вв. до н.э. появились остросеребряные сосуды, орнаментированные задирами, насечками, нарезными линиями или ямочными вдавлениями в верхней части. Обнаружены также глиняные бусы, своеобразные пряслица, грузики «дьякова типа», по форме напоминающие гриб с отверстием в центральной части, назначение которых до конца не выяснено.

Погребальные памятники населения культуры штрихованной керамики в ареале её распространения до сих пор не обнаружены, что, возможно, связано с обрядом погребения, который не прослеживается археологически: покойников могли сжигать, топить, выбрасывать на съедение диким зверям.

Со второго века до н.э. земли современного Дрибинского района входили также и в область расселения племен зарубинецкой культуры, памятники которой известны в Припятском Полесье, в Среднем и Верхнем Поднепровье. Своё название культура получила по могильнику у с. Зарубинцы Киевской области, исследованному украинским археологом В. В. Хвойко ещё в 1899 году. Хроно-

логически время развития зарубинецкой культуры подразделяется на два этапа — ранний (II в. до н.э. — II в. н.э.) и поздний (II—V вв. н.э.). Отдельные исследователи выделяют поздний этап и самостоятельную культуру под названием киевской. Основными памятниками зарубинецкой культуры являются городища, селища и бескурганные (грунтовые) могильники.

Жилища зарубинцев представляли собой небольшие (12—24 кв. м) прямоугольные или квадратные в плане сооружения наземного типа. Их основой служили вертикально вкопанные столбы с нарами, в которые впускались затесанные концы горизонтальных положенных бревен — праобраз наших хозяйственных построек. Крыши жилищ были двухскатными, сооруженными из жердей, перекрытых камышом или соломой. Возле одной из стен или в центре жилища располагался очаг. Известен также упрощенный вид построек — полуземлянка. Небольшое количество строительных материалов, быстрота и легкость сооружения, обусловили их широкое распространение в те беспокойные времена.

Рядом с поселком располагалось кладбище, на котором хоронили умерших по обряду трупосожжения в овальных или круглых ямах, глубиной 0,2—1 м. Вместе с прахом в могилу ложили глиняные горшки, миски, реже украшения: бронзовые и железные фибулы, булавки, бусы, подвески, кольца. Иногда в погребениях встречаются орудия труда, оружие, кости животных.

В материнской культуре зарубинцев широко представлена грубелепная и лощенная плоскодонная керамика (горшки, миски, кружки, сковороды), орнаментированная ямочными вдавлениями, защипами, насечками; орудия труда: топоры-кельты, серпы, ножи, рыболовные крючки, иглы, шилья; оружие — листовидные наконечники копий и дротиков.

Обнаруженные при раскопках импортные вещи указывают на связи зарубинцев с воинственным скифо-сарматским миром, с греческими городами Северного Причерноморья, с кельтскими племенами Западной Европы.

Вопросы этнической принадлежности племен зарубинецкой культуры до настоящего времени не решены. Одни исследователи (Л. Д. Поболь, П. Н. Третьяков) считают их древними славянами, другие (В. В. Седов) — балтами.

В верхнем течении р. Проня, в пределах района известны также древности днепро-двинской культуры (VIII в. до н.э.—V в. н.э.). Основная территория распространения этой культуры охватывает днепро-двинское междуречье (отсюда происходит ее название), включая северо-восточные районы Могилевской области.

Переход от бронзового века к железному происходил здесь постепенно и для начальной стадии (VIII—V вв. до н.э.), характерно полное отсутствие изделий из железа при широком использовании кости в качестве материала для изготовления различных предметов.

Жилища обитателей днепро-двинских городищ представляли собой удлиненные многокамерные наземные сооружения столбовой конструкции с очагом в каждой секции. Очаги выкладывались в форме подковы из камней. Диаметр очагов до 1 м. Полы жилищ были земляными или глинобитными.

На заключительных этапах развития культуры, с рубежа нашей эры и до середины I тысячелетия, появляются новые элементы в технике домостроительства — каменная вымостка полов и глиняная обмазка стен. Вместо удлиненных сооружений, расположенных по периметру площадки городищ, появляются отдельно стоящие четырехугольные дома, размером до 5х6 м.

Керамика лепная, гладкостенная, плоскодонная и довольно однообразная, представленная слабопрофилированными горшками и сосудами баночной формы. Горшки имеют усеченно-коническое, расширяющееся кверху тулово, слабовыраженные плечики и прямой или слегка отогнутый наружу венчик. У баночных сосудов венчик, как правило, прямой, реже — вогнутый внутрь. В подавляющем большинстве сосуды не украшены, лишь изредка встречаются ямочные вдавления и перекрещивающиеся прочерчивания.

По мнению ученых, днепро-двинская культура принадлежала восточным балтам.

В середине и третьей четверти I тыс. н.э. (V—VIII вв.) современная территория Дрибинского района была занята населением банцеровской культуры (названа по городищу Банцеровщина под Минском у водохранилища Дрозды), происхождение которой связывают с более ранними балтскими древностями.

Вместо городищ широкое распространение получили неукрепленные поселения — селища. Они располагались по берегам рек, довольно часто рядом с заброшенными городищами, которые использовались на случай военной опасности в качестве убежищ и как место хранения различных хозяйственных припасов. Население банцеровской культуры возводило наземные дома столбовой конструкции и полуземлянки с впущенными в ямы срубными. Отапливались жилища печами-каменками, реже — открытыми очагами.

Погребальные памятники представлены грунтовыми и курганными могильниками, захоронения в которых производились по обряду трупосожжения в урнах или ямах. Обращает на себя вни-

еще бедный погребальный инвентарь, представленный лишь фрагментами лепных сосудов.

Сосуды банцеровской культуры изготовлены без гончарного круга, имеют шереховатые стенки из-за добавки в глину дресвы (песчаный гранит) и довольно разнообразны по форме: слабопрофилированные и тюльпановидные, цилиндро-конические и округлые сосуды. Интересны биконические глиняные пряслица с широким отверстием для насадки на веретено.

Основной общественно-хозяйственной структурой населения банцеровской культуры была большая патриархальная семья, а средством существования — подсечное земледелие, скотоводство (разводили крупный рогатый скот, лошадей, свиней, овец), в меньшей степени — охота, рыболовство, собирательство.

По мнению исследователей банцеровские древности завершают балтский этап в этнической истории Центральной и Северной Беларуси накануне славянской колонизации.

Во второй половине I тыс. н.э. территория Беларуси была ареной активных и многосторонних этнокультурных контактов. В ходе славянского расселения формировались союзы племен кривичей, радимичей, дреговичей, завершалось разложение патриархально-родовых отношений, создавались предпосылки для формирования белорусской народности.

Заселившие верховья р. Проня славяне встретились здесь с древними балтами, вступая в различные формы контактов как военного, так и мирного характера. Принято считать, что славянские колонисты не создавали собственных поселений, а подселялись к местному населению, в результате происходила медленная инфильтрация пришельцев на пустующие участки владений соселей, мирно уживавшихся с новоселами. Отдельные исследователи (В. В. Седлов) подчеркивали, что славянское проникновение происходило не группами, состоявшими из ряда семей, а коллективами, включившими преимущественно мужчин, которые вступали в брачные связи с местными женщинами. Подобный тезис, на наш взгляд, выглядит несколько необычно, коль скоро мы обнаруживаем на территории Древней Руси в историческое время только славянскую речь. Славяне ничем не отличались от других народов, путем завоеваний расширявших свою территорию, к чему их вынуждал не только естественный рост населения, но и давление соседних племен, втянутых в орбиту «великого переселения народов».

Предпринимчивые вожди уводили доверившихся им соплеменников в далекие походы в поисках добычи или новых земель. Вот как описывает подобные мероприятия Прокопий Кесарийский:

«...войско славян перейдя реку Истр (Дунай) произвело ужасающее опустошение всей Иллирии вплоть до Эпидамна, убивая и обращая в рабство всех попадавшихся навстречу, не разбирая пола и возраста и грабя ценности». Славяне совершали свои набеги па Балканы почти ежегодно, «так что эта страна повсюду (стала) подобной скифской пустыне», — заключает Прокопий. Письменные источники донесли до нас ответ склавиннов посланникам аваров: «Родился ли на свете и согреться ли лучами солнца тот человек, который бы подчинил себе силу нашу? Не другие нашею землею, но мы чужою привыкли обладать. И в этом мы уверены, пока будут на свете война и мечи». Следы пожарниц на городищах банцеровской культуры и погребения с оружием археологически подтверждают данные письменных источников.

Здесь уместно подчеркнуть, что проблема многовековых славяно-балтских связей в силу ее особой значимости для истории формирования белорусской народности, принадлежит к числу дискуссионных тем отечественной историографии, а ее активная разработка продолжается и в наши дни (Штыхов, 1992).

Из «Повести временных лет», законченной в начале XII в., известно, что земли современного Дрибинского района входили в ареал распространения кривичей. Это было одно из самых крупных племенных объединений восточного славянства, занимавших территорию в верховьях Днепра, Западной Двины и Волги. Исследователи различают три группировки кривичей: полоцкую, смоленскую и псковскую, выделяемых по названиям их городских центров, вокруг которых впоследствии возникли соответствующие «земли» — княжества.

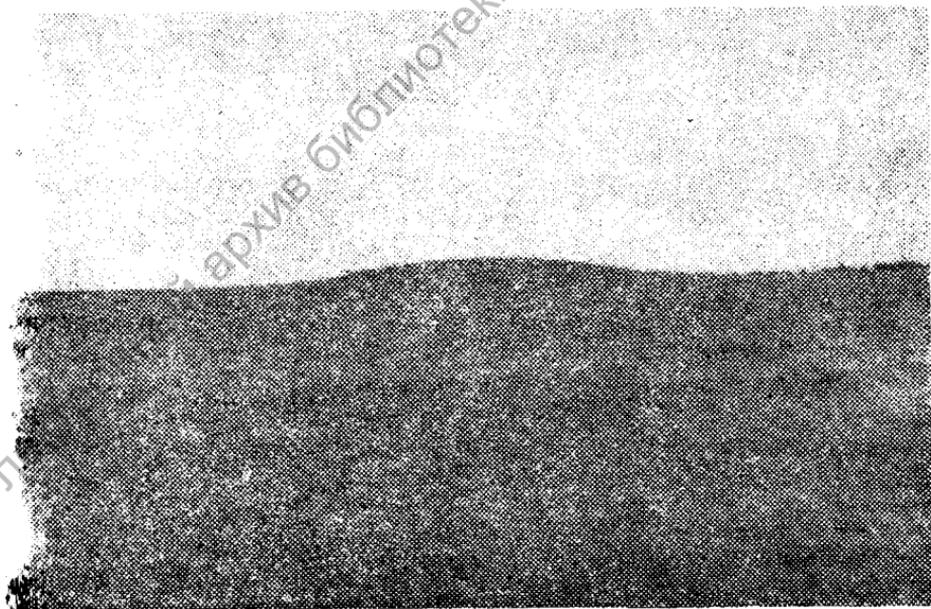
История кривичей скупо освещена письменными источниками. Летописные известия сообщают под 859 годом, что кривичи платили дань варягам «из заморья»; они же призвали варяжского вождя Рюрика в 862 году на княжение. Неоднократно (907, 911, 941, 944 годы) кривичи в составе древнерусских дружин принимали участие в походах на далекий Царьград — Константинополь, столицу Византийской империи.

Ограниченность письменных сведений о кривичах в известной степени компенсируется археологическими данными. Принято считать, что древнейшими погребельными памятниками этих племен являются длинные курганы — невысокие валообразные земляные насыпи, достигающие длины от 20 до 50 м при высоте 1—2 м. Обычай насыпать такие курганы на соседних с современным Дрибинским районом территориях сохранился до IX века. В последнее время повсеместное распространение получили захоронения в полусферических курганах округлых в плане. Подобно всем

славянам первоначально кривичи сжигали умерших на погребальных кострах, а остатки кремации ссыпали в неглубокие ямки или же помещали в глиняные сосуды — погребальные урны, над которыми насыпали курган.

Восточные авторы называют славян «огнепоклонниками». В языческую эпоху мироощущение славян очень ярко проявлялось в погребальной обрядности. До принятия христианства и даже несколько позднее, славяне сжигали своих умерших на погребальных кострах. Пламя священного огня тянулось к небу, взрывы искр издавали вопли плакальщиц. Когда арабский писатель Ибн-Фаридан (X в.), очевидец похорон знатного руса, заинтересовался о причинах сожжения покойника, ему ответили: «Вы берете самого любимого для вас человека... и бросаете его в землю, и съедают его прах и гнус, и черви, а мы сжигаем его во мгновение ока, так что он входит в рай немедленно».

С глубокой древности в сознании людей складывалась вера в земную жизнь. Языческое мировоззрение славян связано с представлением об «ином мире», где умерший будет жить такой же материальной жизнью, как и на земле. Славянские воины не сдавались в плен, так как пленный становился рабом и, по их убеждению, оставался им «в весь век будущий», то есть после смерти.

Вид на курган возле Дрибина.

О сородичах, уходящих в «мир мертвых», славяне проявляли трогательную заботу. Их снабжали одеждой, пищей, оружием, украшениями (женщин) и другой необходимой утварью. Смерть близкого человека воспринималась просто как разлука. Любимой жене или наложнице умершего предоставлялось право уйти со своим повелителем, добровольно отдав себя на смерть. Как следует из «Занисок» Ибн-Фадлана, обреченная на смерть поет и веселится, радуясь предстоящей встрече с близким ей человеком.

В течение многих столетий, с V по XIII вв. славяне хоронили своих покойников под курганами — яркими и своеобразными памятниками, оставленными языческим населением. Как писал Ф. И. Тютчев:

«От жизни той, что бушевала здесь,
От крови той, что здесь рекой лилась,
Что уцелело, что дошло до нас?
Два-три кургана видим мы по днесь...
Два-три дуба выросло на них,
Раскинувшись и широко, и смело,
Красуются, шумят и нет им дела,
Чей прах, чью память кроют корни их».

Даже после официального принятия христианства, пережитки язычества прочно удерживались в среде сельского населения. И когда нельзя уже было предавать умерших огню, с его помощью освящалась и очищалась площадка, на которую ложили покойника, как об этом свидетельствуют раскопки кургана у д. Каребы. Здесь женское захоронение было совершено по обряду труположения с двумя кострищами под погребенной. Христианство положило конец огню и всему тому разнообразию погребального инвентаря, который был характерен для славянских племен.

Эволюция погребального обряда в среде последних, происходила следующим образом: до конца X — начала XI веков было распространено трупосожжение; в XI—XII вв. — умерших хоронили по обряду труположения на дневной поверхности почвы в основаниях курганов; со второй половины XII — XIII вв. захоронения производились в подкурганных ямах. Воздействие христианства сказалось на отказе от ритуальных костров, погребального инвентаря, в появлении нательных крестиков и пр.

К сожалению, курганные могильники на территории Дрибинского района так и не стали пока объектом широких археологических исследований. Единственный курган, раскопанный И. А. Сербовым у д. Каребы принадлежал кривичам. В процессе раскопок курганов археологи выяснили, что у разных славянских племен

были свои женские украшения, в частности, височные кольца. В те времена женщины берегли мочки ушей и украшения вплетали в волосы или носили на специальных повязках. Для полоцких и смоленских кривичей XI—XII вв. характерны височные браслетообразные провололочные кольца с завязанными концами.

В пределах Дрибинского района, судя по опубликованным материалам и в процессе археологических обследований, зафиксировано тринадцать курганных могильников — древних кладбищ, затерянных во времени. Сиротливо продолжают нести свою тысячелетнюю вахту одиночные курганы у Дрибина, Преображенска, Слободки Коровчинской. Многие курганы уничтожены распашкой, как это случилось возле деревень Солнечная (четыре насыпи), Затоны-1-е (семь насыпей), Рясно (два могильника, включавших четыре и девять насыпей), Верба (пятьдесят восемь насыпей). Возле д. Черневка из пятидесяти курганов сохранилось только десять. Отсутствие охранных зон вокруг памятников ведет к дальнейшей гибели этих важнейших источников по древней истории района, тем более, что количество сохранившихся курганов невелико: Каробы (пятьдесят один), Коровчино (тринадцать), Преображенск (тридцать), Пудовня (два), Черневка (десять).

Длительное время курганы подвергались грабительским раскопкам кладоискателями — любителями легкой наживы. Вместо золота и серебра эти варвары встречали лишь кости погребенных, обломки глиняной посуды, отдельные изделия из бронзы и железа, которые выбрасывались как «ненужные вещи». Поэтому для археологии оказалось утраченным многое из того, что могло бы послужить источником исторических реконструкций. Уместно отметить, что любители найти клад в курганах не перевелись и в наше время.

Но не только курганы оставили после себя жители этой древней земли. О них напоминают остатки селищ и руины городищ древнерусского времени.

Сведения о древнерусской деревне в летописях скудны, отрывочны и случайны. Да и как могли привлечь к себе внимание сельские жители, если жизнь их была простой и мирной. Крестьяне вырубали окрестные леса и распахивали свои маленькие, усыпанные валунами поля, на которых выращивали рожь, пшеницу, ячмень, просо, овес, гречиху. Высеивали бобовые — горох, вику, бобы, фасоль, из технических культур — лен и коноплю. О занятии садоводством говорят находки косточек плодовых деревьев — сливы, вишни, груши. Несомненно была известная и яблоня.

Славяне разводили преимущественно крупный рогатый скот: коров, быков, волов. Имелись в хозяйствах овцы, козы, свиньи и,

конечно, лошади. Источником мясной пищи была также охота на лосей, кабанов, косуль. Добывали пушных зверей: белок, лисьи, зайцев. Проня и ее притоки были богаты рыбой. Поэтому рыболовство, распространившееся еще в каменном веке, не потеряло своего значения и в эпоху средневековья. Рыбу ловили с помощью удочек, причем рыболовные крючки имели размеры до 8—13 см, были острогами. Применяли и сети, от которых до нас дошли лишь глиняные грузила (нити и деревянные части уничтожило время).

Хозяйственная деятельность и интересы обороны диктовали необходимость изготовления самых разнообразных железных орудий труда и оружия. Многочисленные находки кусков железного шлака при раскопках поселений свидетельствуют о местном характере металлургического производства.

Были у славян и мастера-ювелиры, работавшие с цветными металлами и создававшие различные украшения: кольца, серьги, перстни, бусы и пр. В качестве сырья часто использовались привозные вещи, которые не выбрасывались даже тогда, когда изнашивались или ломались. Поэтому во время раскопок находят сравнительно мало ювелирных изделий.

Распространенными занятиями были прядение и ткачество, о чем свидетельствуют находки многочисленных пряслиц, обработка кож, из которых шили одежду и обувь, кости и рога, использовавшихся для изготовления гребней, украшений, рукоятей ножей и многого другого. Умело и широко применяли дерево. Из глины на гончарном круге делали плоскодонные сосуды, украшенные волнистым прочерченным орнаментом, типичным для славянской керамики X—XIII вв.

Условия натурального хозяйства заставляли население своими руками создавать из доступного сырья домашнюю обстановку, утварь, орудия труда, одежду. В народном быту не было вещей бесполезных, создававшихся ради уюта. То, чем пользовались крестьяне, в большинстве своем, было добротной изготовлено и любовно украшено, ведь эти вещи сопровождали их в течение всей жизни.

Кривичи, дреговичи и радимичи, ставшие основой белорусской народности, в IX—XII вв. входили в состав Древней Руси. Это государственное объединение, созданное силой оружия, формировалось и развивалось как этнически неоднородное политическое образование. С распадом древнерусского государства земли современного Дрибинского района вошли в состав Смоленского княжества.

В таких, пока еще общих контурах начинает раскрываться на основе археологических данных навсегда казавшая бы забытая

утраченная древняя история населения, обитавшего на берегах верхнего течения р. Проня. Вместе с обитателями соседних территорий оно прошло длительный и насыщенный событиями исторический путь, познание которого, во многом зависит от успехов изучения археологических памятников в районе. Будем ли мы знать свою историю в том объеме, который еще хранит дрибинская земля, или нам достанутся ее случайные обрывки? Последнее может произойти, если мы не сохраним археологические памятники — дело нашей гражданской и человеческой совести.

РЕЕСТР АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ДРИБИНСКОГО РАЙОНА

1.1. ДРИБИН, п.г.т. Стоянка-1 эпохи неолита (IV—III тыс. до н.э.) на первой надпойменной террасе левого берега р. Проня, на мысу, при впадении безымянного ручья (левый приток Прони), в 1,5 км юго-западнее поселка, на опушке соснового леса.

Площадь памятника 30x90 м. Вскрыто 36 кв. м культурного слоя, залегающего под дерном на глубине 0,2—0,5 м в мелкозернистом светло-желтом песке. Обнаружены фрагменты лепной керамики, орнаментированные оттисками мелкозубчатого штампа и ямочными вдавлениями, продукты расщепления кремня: нуклеусы, пластины, отщепы, куски, мелкие осколки. Среди орудий труда представлены наконечники стрел треугольной и ромбовидной формы, двугранные резцы, концевые скребки, проколки, изделия с выемкой, отбойники.

Единичные обработанные кремни обнаружены и на противоположном берегу ручья.

Открыл в 1985 г. и исследовал в 1987 и 1991 гг. В. Ф. Копытин. (Рис. 3).

1.2. Стоянка-2 каменного века на первой надпойменной террасе левого берега р. Проня, в 0,5 км юго-западнее Дрибина, в 0,1 км севернее кургана (см. 1.3), в 0,4 км южнее моста через р. Проня.

Поверхность террасы подвергается ветровой эрозии и размывается талыми водами. На развеечных песках обнаружен одноплоскостный нуклеус, концевые скребки, ретушные резцы, фрагменты пластин и отщепов.

Открыл и обследовал в 1985 г. В. Ф. Копытин.

1.3. Одиночный курган эпохи Древней Руси на левом берегу р. Проня (0,5 км), в 1 км северо-восточнее устья р. Голыша (пра-

ный приток р. Проня), в 0,5 км юго-западнее поселка, в 0,5 км южнее моста, в поле.

Насыль полусферической формы, округлая в плане, высотой 1,3 м, диаметром 19 м, задернована. Курган опаживается, нарушен двумя кладонискательскими ямами.

Открыл в 1985 г. и обследовал в 1991 г. В. Ф. Конытин. (Рис. 4).

Збор, 1986, с. 197; Археологія, 1993, с. 236—237.

ДРИБИНСКИЙ СЕЛЬСКИЙ СОВЕТ

2.1. КАРЕБЫ (ГОЛОВИЧИ), д. Стоянка-1 каменного века на первой надпойменной террасе левого берега р. Проня, в урочище Церковище, в 2 км западнее деревни, в 1,5 км выше устья р. Серпейка, в 0,5 км западнее курганный могильника (см. 2.4).

Площадь памятника 25х50 м. Тремя шурфами вскрыто 9 кв. м культурного слоя, залегающего под дерном в супеси темно-серого цвета на глубине 0,1—0,3 м от поверхности. Обнаружены продукты расщепления кремния: нуклеусы, пластины, отщепы; из орудий — концевые скребки.

Открыл и исследовал в 1985 и 1991 гг. В. Ф. Конытин.

2.2. Стоянка-2 верхнеднепровской культуры эпохи неолита (V—IV тыс. до н.э.) на первой надпойменной террасе левого берега р. Серпейка (0,7 км), в 1,3 км юго-западнее деревни, в 0,3 км ниже устья, в 0,3 км юго-западнее нефтепровода через р. Проня, у дороги из д. Каробы к реке, в 12 м восточнее репера ГУП 3661.

Вскрыто 24 кв. м культурного слоя, залегающего под дерном в мелкозернистом, неслоистом песке темно-серого цвета на глубине 0,2—0,5 м от поверхности. Коллекция кремневого инвентаря, полученная в процессе раскопок, насчитывает 650 экз. Обнаружены многочисленные продукты расщепления кремния: нуклеусы, пластины, отщепы, мелкие осколки, куски, чешуйки. Среди орудий — свидероидные наконечники стрел, концевые скребки из пластин и отщепов, угловые резцы, трапеции, изделия с выемкой, рубящие орудия, ножи, острия. Судя по найденным фрагментам керамики сосуды имели слабоотогнутый венчик, украшенные оттисками мелкозубчатого штампа и подчеркнутый рядом горизонтальных ямочных вдавлений. В качестве примеси использовали крупнозернистый кварцевый песок.

Открыл в 1985 г. А. А. Седин, исследовал в 1987 г. В. Ф. Конытин.

2.3. Стоянка-3 верхнеднепровской культуры эпохи неолита (V—IV тыс. до н.э.) и селище эпохи Древней Руси на первой надпойменной террасе левого берега р. Проня, в 1,5 км юго-западнее д. Каробы, против устья р. Шиповка (правый приток р. Проня), в 0,6 км южнее устья р. Серпейка, в 0,4 км западнее стоянки-2.

Вскрыто 168 кв. м культурного слоя, залегающего под дерном в мелкозернистом неслоистом песке темно-серого цвета на глубине 0,2—0,5 м от поверхности. Продукты расщепления кремня представлены одно- и двухплощадочными нуклеусами, пластинами, отщипами. Среди орудий труда — срединно-угловые резцы, ножи, проколки, изделия с выемками, трапеции, пластины с ретушью, концевые скребки, остря, черешковые и листовидные наконечники стрел. Фрагменты керамики с растительной примесью в тесте, орнаментированы ямочными вдавлениями и отщипками мелкозубчатого штампа.

Материалы из селища представлены многочисленными фрагментами гончарной керамики с сильно отогнутыми венчиками и орнаментом в виде горизонтальных линий.

Открыл в 1987 г. и исследовал в 1989 и 1991 гг. В. Ф. Копытин. (Рис. 6).

Збор, 1986, с. 198; Археологія, 1993, с. 314; Копытин и др., 1994, с. 36—43.

2.4. Курганный могильник эпохи Древней Руси на левом берегу р. Проня (0,2 км), в 1,5 км западнее д. Каробы, в 1 км восточнее д. Головчи, в урочище Церковище, в лесу.

Пятьдесят одна насыпь полусферической формы, округлые в плане, высотой 0,3—1,5 м, диаметром 5—12 м, задернованы, поросли деревьями. У основания отдельных курганов сохранились ровики. Тринадцать насыпей повреждены кладонскательскими ямами и траншеями времен Великой Отечественной войны.

В 1930 г. А. И. Сербов раскопал один курган (в то время их было шестьдесят), в котором обнаружено женское захоронение по обряду труположения на горизонте с двумя кострищами под погребенной. Костяк пожилой женщины лежал на спине, головой на запад, с вытянутыми вдоль тела руками. Над умершей была сложена домовина из дубовых плах. Погребальный инвентарь составляли бронзовые подвески, малые проволочные височные кольца, перстень, различные мелкие бусы. Слева от умершей найдены фрагменты сосуда, изготовленного на гончарном круге, с линейным орнаментом.

Обследован в 1930 г. И. А. Сербовым, в 1991 г. В. Ф. Копытиным. (Рис. 5).

Сербаў, 1932, с. 240; Древности, 1962, с. 59, № 39; Збор, 1986, с. 198; Археалогія, 1993, с. 314.

3. КРЮКОВЩИНА, д. Стоянка эпохи мезолита на дюнном всхолмлении левого берега р. Проня, в 2 км южнее деревни, при впадении безымянного ручья, у дороги на д. Старокожевка.

На развесаемых участках дюны собран кремневый инвентарь: черешковый наконечник стрелы, ретушные резцы, концевые скребки, нуклеусы, пластины, отщепы, мелкие осколки.

Открыл в 1985 г. и обследовал в 1991 г. В. Ф. Копытин. Збор, 1986, с. 199.

4. ГОРОДЕЦК (Новое Прибужье), д. Городище и остатки средневекового замка на правом берегу р. Голыша, в 0,4 км севернее д. Михеевка, в 1 км южнее д. Городецк, на небольшой возвышенности среди поймы, в урочище Горюдок.

На памятнике произведена посадка соснового леса и детальное обследование городища в настоящее время произвести затруднительно.

Известно с 1925 г. Обследовал в 1991 г. В. Ф. Копытин.

Витань, 1925, с. 5; Поболь, 1974, с. 242; его же, 1983, с. 401.

5. ОСИНОВКА, д. Стоянка каменного века на первой надпойменной террасе правого берега р. Проня (0,2 км), возле старицы, в 0,4 км северо-восточнее деревни, в поле.

На вспаханной поверхности террасы обнаружены правильно ограниченные пластины и отщепы. Культурный слой памятника распахивается. Размеры стоянки 40x100 м.

Открыли в 1985 г. В. Ф. Копытин и В. Е. Кудряшов.

Збор, 1986, с. 194.

6. ПОЛОСКИ, д. Стоянка верхнеднепровской культуры эпохи неолита на первой надпойменной террасе левого берега р. Проня (0,6 км), в 50 м севернее курганного могильника, в 1,7 км северо-западнее деревни Полоски, в 2,2 км юго-западнее Дрибина, в 1,6 км северо-восточнее д. Старое Прибужье (на противоположном берегу).

Площадь памятника 30x120 м. Вскрыто 69 кв. м. культурного слоя, залегающего на глубине 0,2—0,5 м от поверхности в мелкозернистом неслоистом светло-желтого цвета песке. Обнаружены орудия труда из кремня: черешковые наконечники стрел, топоры, концевые скребки, угловые резцы, ножи, острия, изделия с выемкой, пластины и отщепы с ретушью. Многочисленны продукты расщепления кремня: нуклеусы, пластины, отщепы, куски, мелкие

осколки и чешуйки. В качестве сырья не использовался темно-серый меловой кремень, выходы которого известны по берегам р. Проня в окрестностях Дрибина. Фрагменты лепной посуды орнаментированы оттисками мелкозубчатого штампа и ямочными вдавлениями.

Открыл в 1985 г. и исследовал в 1989—1990 гг. В. Ф. Копытин.

7. СТАРОЕ ПРИБУЖЬЕ, д. Городище раннего железного века на правом берегу р. Проня (1 км), в 1,5 км юго-западнее устья р. Голыша (правый приток р. Проня), в 0,5 км южнее шоссе Дрибин—Могилев, в 0,2 км северо-восточнее деревни, в урочище Замчище.

Площадка трапециевидной формы, размером 25x60 м, высотой над поймой реки 6,5 м. Защищена по периметру кольцевым валом, высотой 0,2—0,5 м, шириной 5—6 м. С напольной (западной) стороны прослеживаются остатки рва, глубиной 3—3,5 м при ширине 6—7 м. Площадка и склоны городища задернованы, поросли деревьями, частично нарушены землянками и траншеями периода Великой Отечественной войны.

Известно с 1926 г. Обследовал в 1991 г. В. Ф. Копытин. (Рис. 8).

Василеўскі, 1926, с. 66; Поболь, 1974, с. 243; его же, 1983, с. 402.

КОРОВЧИНСКИЙ СЕЛЬСКИЙ СОВЕТ

8. КОРОВЧИНО, д. Курганный могильник эпохи Древней Руси на левом берегу р. Бася, в 0,3 км северо-западнее устья р. Косинка, в 2 км западнее д. Коровчинская Слободка, в лесу.

Тринадцать насыпей полусферической формы, округлые в плане, высотой 0,3—1,5 м, диаметром 6—10 м, задернованы, поросли деревьями. У основания отдельных насыпей прослеживаются ровики. Один курган поврежден кладонскательской ямой.

Известен с 1873 г. Обследовали в 1978 г. В. И. Шадыро, в 1991 г. В. Ф. Копытин. (Рис. 9).

Сведения 1873 г., с. 61; Древности, 1962, с. 15, № 4; Штыхов, 1971, с. 218; Збор, 1986, с. 198.

9. СЛОБОДКА КОРОВЧИНСКАЯ (Селище), д. Стоянка каменного века на первой надпойменной террасе левого берега р. Косинка, при ее впадении в р. Бася, в 1,5 км юго-западнее деревни.

Площадь памятника 40x150 м вдоль р. Косинки. Три шурфами вскрыто 9 кв. м. культурного слоя, залегающего под слоем

дерна на глубине 0,2—0,5 м в мелкозернистом светло-желтом песке. В культурном слое обнаружены кремневые нуклеусы, ретушеры, правильно огранные ножевидные пластины, изделия с выемками и отщепы с ретушью. Памятник разрушается вспашкой.

Открыл в 1983 г. и исследовал в 1986 г. В. Ф. Копытин.

Збор, 1986, с. 362.

9.2. Одиночный курган эпохи Древней Руси на левом берегу безымянного ручья (левый приток р. Косинка), в 1 км западнее деревни, у дороги к р. Бася, в поле.

Известен с 1873 г. Обследован в 1986 г. В. Ф. Копытиным.

Сведения 1873 г., с. 61; Романов, 1893, с. 45; Древности, 1962, с. 15, № 5; Штыхов, 1971, с. 218.

10. СОЛНЕЧНАЯ, д. (до 1969 г. Чертовщина). Курганный могильник эпохи Древней Руси на левом берегу р. Косинка, в 0,8 км юго-восточнее деревни.

По данным Е. Р. Романова могильник включал четыре насыпи. До нашего времени не сохранился. По сведениям местных жителей памятник уничтожен распашкой в 70-е годы.

Известен с конца XIX в. Обследовал в 1992 г. В. Ф. Копытин.

Романов, 1892, л. 40.

11. ШЕСТАКИ, д. Стоянка каменного века на первой надпойменной террасе левого берега р. Бася, в 2 км юго-западнее деревни, в 1 км северо-восточнее д. Селище (на противоположном берегу), в 0,5 км юго-восточнее устья безымянного ручья (левый приток Баси).

На распаханном поле, на площади 50x100 м, собраны кремневые концевые скребки, ретушные резцы, изделия с выемкой, отщепы с ретушью, ретушеры. Культурный слой мощностью 0,2 м залегает на глубине 0,2—0,4 м и разрушается вспашкой.

Открыл в 1983 г. и исследовал в 1986 г. В. Ф. Копытин.

Збор, 1986, с. 362.

РЯСНЯНСКИЙ СЕЛЬСКИЙ СОВЕТ.

12. 1. ЗАТОНЫ-1-е, д. Городище раннего железного века на левом берегу р. Проня (70 м), на мысу между двумя ручьями, выходящими в пойму р. Проня, в 0,5 км западнее деревни, в 1 км северо-восточнее моста по шоссе Могилев—Рясна.

Площадка овальная, ориентирована по линии с юго-запада на северо-восток, размером 22x18 м, возвышается над поймой на 5,5—6 м. Укреплена кольцевым валом высотой 1—2,5 м при широтой над поймой ручьев до 18 м, задернована, склоны поросли дополнительным серповидный вал высотой 0,6—2 м и шириной 10 м.

Со стороны реки имеется еще два серповидных вала, высотой 1,5—2 м, шириной до 10 м. Между кольцевым и дополнительными валами прослеживаются рвы шириной до 10 м. Площадка и склоны городища задернованы и поросли кустарником.

Открыл в 1985 г. А. А. Седин. Обследовал в 1990 г. В. Ф. Копытин. (Рис. 10).

Збор, 1986, с. 198; Седин, 1992, с. 20—21.

12.2. Селище раннего железного века на первой надпойменной террасе левого берега р. Проня, в 0,6 км западнее деревни, в 0,1 км южнее городища.

Поверхность террасы ровная, задернована, в 20 м от бровки террасы, произведена посадка соснового леса, возле которого проходит проселочная дорога. Вскрыто 3 кв. м культурного слоя, залегающего под дерном на глубине 0,2—0,4 м в мелко-зернистом неслоистом песке светло-желтого цвета. Обнаружены фрагменты лепной керамики темно-серого цвета с примесью кварцевого песка в тесте, без орнамента.

Открыл и исследовал в 1990 г. В. Ф. Копытин.

12.3. Стоянка каменного века на первой надпойменной террасе (южная окраина останца) левого берега р. Проня, в 0,6 км западнее деревни, в 50 м южнее селища и в 150 м южнее городища, между бровкой террасы и проселочной дорогой.

Поверхность останца ровная, имеет южную экспозицию, задернована. Вскрыто 6 кв. м культурного слоя, залегающего под дерном на глубине 0,2—0,5 м в мелкозернистом неслоистом песке светло-желтого цвета. В процессе шурфовки обнаружены пластины, отщепы, концевые скребки, остря.

Открыл в 1987 г. и исследовал в 1990 г. В. Ф. Копытин.

12.4. Курганный могильник эпохи Древней Руси, включавший семь насыпей, по данным Е. Р. Романова, находился в окрестностях деревни. При осмотре местности памятник не обнаружен. Романов, 1892, л. 37.

13. **ЗУБОВКА**, д. Курганный могильник эпохи Древней Руси на правом берегу р. Черноречка (правый приток р. Вербовка), на южной окраине деревни, возле кладбища. По данным Е. Р. Рома-

нова включал семь насыпей. До нашего времени не сохранился. По сведениям местных жителей уничтожен распашкой в послевоенные годы.

14. НОВОСЕЛКИ (Городок), д. Городище раннего железного века (VII в. до н.э. — IV в. н.э.) днепродвинской культуры. На левом берегу р. Бобровка (0,3 км), в 1,5 км юго-западнее деревни, в 0,2 км юго-западнее шоссе Рясно—Красное, на мысу, при слиянии двух безымянных ручьев, в урочище Городок.

Площадка подтреугольных очертаний, размером 45x60 м, высотой над поймой ручьев до 18 м, задернована, склоны поросли деревьями и мелким кустарником. Вал с напольной стороны в значительной мере уничтожен при строительстве жилых и хозяйственных построек. Культурный слой мощностью 0,4—1 м обнаружен в центре и по краям площадки. Найдены кости животных, угли и фрагменты лепной керамики.

В литературе данное городище ошибочно отнесено к д. Городок (до 1976 г.). Ходосовского сельского совета Мстиславского района, которая располагалась на берегу р. Черная Натопа, на что указывают сведения 1873 года.

Обследовали в 1978 г. В. И. Шадыро, в 1985 г. А. А. Седин, в 1970 и 1991 гг. В. Ф. Копытин. (Рис 11).

Сведения 1873 г., с. 61—62; Древности, 1962, с. 15, № 21; Штыхов, 1971, с. 218; Поболь, 1974, с. 241; его же, 1983, с. 402; Збор, 1986, с. 203; Седин, 1993, с. 22.

15. РЯСНА, д. По данным Е. Р. Романова в конце XIX в. в окрестностях деревни находилось два курганных могильника эпохи Древней Руси, которые включали соответственно четыре и девять насыпей. До наших дней могильники не сохранились.

Романов, 1892, лл. 37, 40.

ТЕМНОЛЕССКИЙ СЕЛЬСКИЙ СОВЕТ.

16.1. ВЕРБА, д. Городище раннего железного века зарубиненской культуры и культуры штрихованной керамики на левом берегу р. Вербовка (50 м), в 1 км южнее деревни, в 0,7 км северо-западнее д. Толкачи, в 0,1 км западнее совхозного сада, на мысу первой надпойменной террасы, в урочище «Золотая Гора».

Площадка подокруглой формы, размером 14x24 м, высотой над поймой реки 8 м. Окружена кольцевым валом, прорезанным в западной части, высотой 1,5—3,7 м, шириной 9—20 м. С напольной (восточной) стороны прослеживается подковообразный вал высо-

той 0,8—1 м, шириной 3—4 м и два рва глубиной 3 и 2 м при ширине 10 и 8 м. Культурный слой мощностью 0,5 м. Обнаружены железные шлаки, болотная руда, фрагменты лепных плоскодонных сосудов зарубинецкого типа и фрагменты керамики со штрихованной поверхностью.

Вдоль кольцевого вала прослеживается каменная кладка из булыжника. Возле памятника есть болотная руда, содержащая до 40% железа. Городище задерновано, поросло мелким кустарником.

Известно с 1925 г. Обследовали в 1930 г. И. А. Сербов, в 1978 г. И. В. Шадыро, в 1991 г. В. Ф. Копытин. (Рис. 12).

Вітани, 1925, с. 5; Василюські, 1926, с. 66; Сербаў, 1932, с. 240; Ляўданскі, Палікарповіч, 1932, с. 69, 80; Древности, 1962, с. 15, № 23; Штыхов, 1971, с. 218; Поболь, 1974, с. 240; его же, 1983, с. 401; Збор, 1986, с. 195; Седин, 1993, с. 21.

16.2. Селище эпохи Древней Руси на левом берегу р. Вербовка, в урочище «Золотая Гора», южнее городища.

На распаханном поле находили обломки гончарной керамики, гладкостепной и с орнаментом, железные орудия труда: серны, ножи, камни с изображением крестов, монеты, шлаки.

Открыл в 1930 г. И. А. Сербов, обследовал в 1990 г. В. Ф. Копытин.

Сербаў, 1932, с. 240; Поболь, 1974, с. 240; его же, 1983, с. 401; 16.3. Курганный могильник эпохи Древней Руси находился в урочище «Золотая Гора» рядом с селищем. Насчитывал пятьдесят восемь насыпей, которые подвергались распахке в 30-е годы. До нашего времени не сохранился.

Сербаў, 1932, с. 241.

ЧЕРНЕВСКИЙ СЕЛЬСКИЙ СОВЕТ.

17. **КИШИЦЫ**, д. Курганный могильник эпохи Древней Руси, включавший четыре насыпи, на левом берегу р. Бася, в лесу.

Известен с 1873 г. При обследовании района в 1991 г. памятник не обнаружен.

Сведения 1873 г., с. 61; Романов, 1892, л. 40; Древности, 1962, с. 15, № 1; Штыхов, 1971, с. 236.

18. **МИЛОВЬЕ**, д. Стоянка каменного века на первой надпойменной террасе правого берега р. Бася, в 0,3 км юго-восточнее деревни. На распаханном поле, на площади 20x60 м собраны

пластины, отщепы, нуклеусы, концевые скребки. Культурный слой, мощностью 0,1 м, распаивается.

Открыл в 1982 г. и обследовал в 1991 г. В. Ф. Копытин.
Збор, 1986, с. 388.

19.1. ПРЕОБРАЖЕНСК, д. Одиночный курган эпохи Древней Руси на левом берегу р. Бася (0,6 км), в 1 км юго-западнее деревни, на южной окраине сада, в лесу.

Насыпь полушарической формы, округлая в плане, высотой 2,2 м, диаметром 10 м, задернована, поросла деревьями, нарушена кладонскательской ямой. У основания кургана сохранились ровики.

Открыл и обследовал в 1991 г. В. Ф. Копытин. (Рис. 13).

19.2. Курганный могильник эпохи Древней Руси на левом берегу р. Бася (0,4 км), в 0,8 км юго-восточнее устья р. Черница, в 60 м северо-западнее животноводческого комплекса, в лесу.

Тридцать насыпей полушарической формы, округлые в плане, высотой 0,9—2,8 м, диаметром 7—19 м, задернованы, поросли деревьями. У основания отдельных курганов сохранились ровики. Одиннадцать насыпей повреждены кладонскательскими ямами.

Открыла в 1983 г. О. Н. Левко. Обследовал в 1991 г. В. Ф. Копытин. (Рис. 14).

Збор, 1986, с. 389.

20. ПУДОВНЯ, д. Курганный могильник эпохи Древней Руси на правом берегу р. Реста (0,25 км), в 0,2 км юго-восточнее кладбища, между восточной окраинной деревни и молочнотоварной фермой.

Две насыпи полушарической формы, округлые в плане, высотой 2,2 и 3,3 м, диаметром 12 и 13 м, задернованы, поросли кустарником. У основания одного кургана прослеживаются ровики.

Насыпи нарушены кладонскательскими ямами. Один курган частично разрушен в восточной части. По сведениям 1873 г. здесь было три кургана.

Обследовал в 1991 г. В. Ф. Копытин. (Рис. 15).

Сведения 1873 г., с. 61; Древности, 1962, с. 15, № 17; Штыхов, 1971, с. 237.

21. УГЛЫ, д. Стоянка каменного века на первой надпойменной террасе правого берега р. Бася, в 0,5 км южнее деревни.

На распаханном поле, на площади 30x160 м, собраны кремневые изделия с выемками, нуклеусы, острия, концевые скребки.

Культурный слой, мощностью 0,1 м, распахивается.

Открыл в 1982 г. и обследовал в 1991 г. В. Ф. Копытин.
Збор, 1986, с. 382.

22. ЧЕРНЕВКА, д. Курганный могильник эпохи Древней Руси на левом берегу р. Бася (1 км), в 1 км севернее деревни, у дороги, на д. Преображенск, в лесу.

Десять насыпей полусферической формы, округлые в плане, высотой 0,4—1,5 м, диаметром 6—11 м, задернованы, поросли деревьями. У основания отдельных курганов сохранились ровики. Восемь насыпей нарушены кладоискательскими ямами. По сведениям 1873 г. возле деревни насчитывалось пятьдесят курганов.

Обследовали в 1983 г. О. Н. Левко, в 1991 г. В. Ф. Копытин.
(Рис. 16).

Сведения 1873 г., с. 61; Романов, 1892, л. 36; Древности, 1962, с. 15, № 3; Штыхов, 1971, с. 237; Збор, 1986, с. 392.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА.

- АЛЕКСЕЕВ Л. В. Смоленская земля в IX—XIII вв.: Очерки истории Смоленщины и Восточной Белоруссии. — М., 1980.
- АРТЕМЕНКО И. И. Племена Верхнего и Среднего Поднепровья в эпоху бронзы. — М., 1967.
- Археалогія і нумізматыка Беларусі: энцыклапедыя. — Мінск, 1993.
- ВАСІЛЕЎСКІ Д. З матэрыялаў да архэалёгічнай карты Ашанскае акругі // Наш край, 1925, №№ 6—7.
- ВИТАНЬ Д. Спадчына мінулага. // Савецкая Беларусь, 1925, № 270.
- ВЯРГЕЙ В. С. Археалагічная навука ў Беларускай ССР, 1919—1941 г.г. — Мінск, 1992.
- Древности железного века в междуречье Десны и Днепра. Свод археологических источников. — М., 1962. Вып. Д1—12.
- ДЗЯНІСАЎ Я. Становіцца краязнаўчай працы. // Савецкая Беларусь, 1926, № 247.
- Заніскі Е. Р. Романова на іследаванню этнографіі, топанімікі і археалогіі на тэрыторыі Могілеўскай губерні. // ЦДДА УССР в г. Львове, ф. 201, оп. 1, ед. хр. 3750, лл. 25—60.
- Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Магілёўская вобласць. — Мінск, 1986.
- ІСАЕНКО В. Ф. Археалагічная карта Беларусі. // Памятники каменного века. — Мінск, 1968, вып. 1.
- КАЛЕЧЫЦ Э. Г. Памятники каменного і бронзавога веков Восточной Белоруссии. — Мінск, 1987.
- КОПЫТИН В. Ф., ЧЕРНЯВСКИЦ В. М., ЧЕРНОГАЛОВ Ю. Ф. Раскопки неолитических поселений у д. Каробы Дрибницкого района. // Археалогія і старажытная гісторыя Магілёўшчыны і сумежных тэрыторый. — Магілёў, 1994.
- ЛЯЎДАНСКІ А. М., ПАЛІКАРПОВІЧ К. М. Да гісторыі жалезнай прамысловасці на Беларусі па дадзеных археалогіі. // Савецкая краіна, 1932, № 5.
- МЕТЕЛЬСКИИ А. О местонахождении местечка Рыена XV—XVII вв. Мстиславского повета. // Час, помнікі, людзі. (Тэзісы дакладаў міжнароднай канферэнцыі, Мінск, 27—30 кастрычніка 1993 г. Мінск, 1993.
- МИТРОФАНОВ А. Г. Железный век средней Белоруссии. VII—VI вв. до н.э. — VII в. н.э.). — Мінск, 1978.
- Очерки по археологии Белоруссии. — Мінск, 1972. Ч. 2.
- ПОБОЛЬ Л. Д. Славянские древности Белоруссии (свод археологических памятников раннего этапа зарубинецкой культуры с середины III в. до н.э. — по начало II в. н.э.). — Мінск, 1974.
- ПОБОЛЬ Л. Д. Археологические памятники Белоруссии: железный век. — Мінск, 1983.
- РОМАНОВ Е. Р. Заметка о дополнительных археологических местонахождениях. // Труды Виленского отделения Московского предва

рительного комитета по устройству в Вильне IX археологического съезда. — Вильна, 1893.

Сведения 1873 года о городищах и курганах Могилевской губернии. Известия археологической комиссии. СПб., 1903. Вып. 1.

СЕДИН А. А. Новые городища в Восточной Белоруссии. Материалы Магілёўскага ўніверсітэта, 1992, Вып. III.

СЕДОВ В. В. Славяне Верхнего Поднепровья. М., 1960.

СЕДОВ В. В. Восточные славяне VI—XIII вв. Археология. М., 1982.

СЕРБАЎ І. А. Археалагічныя аб'ектавацыйны ўважлівае афармленне. Праца Ухлясьці ў был. Магілёўшчыне. Праца сесіі Беларускага ўніверсітэта, 1932. Кн. 3.

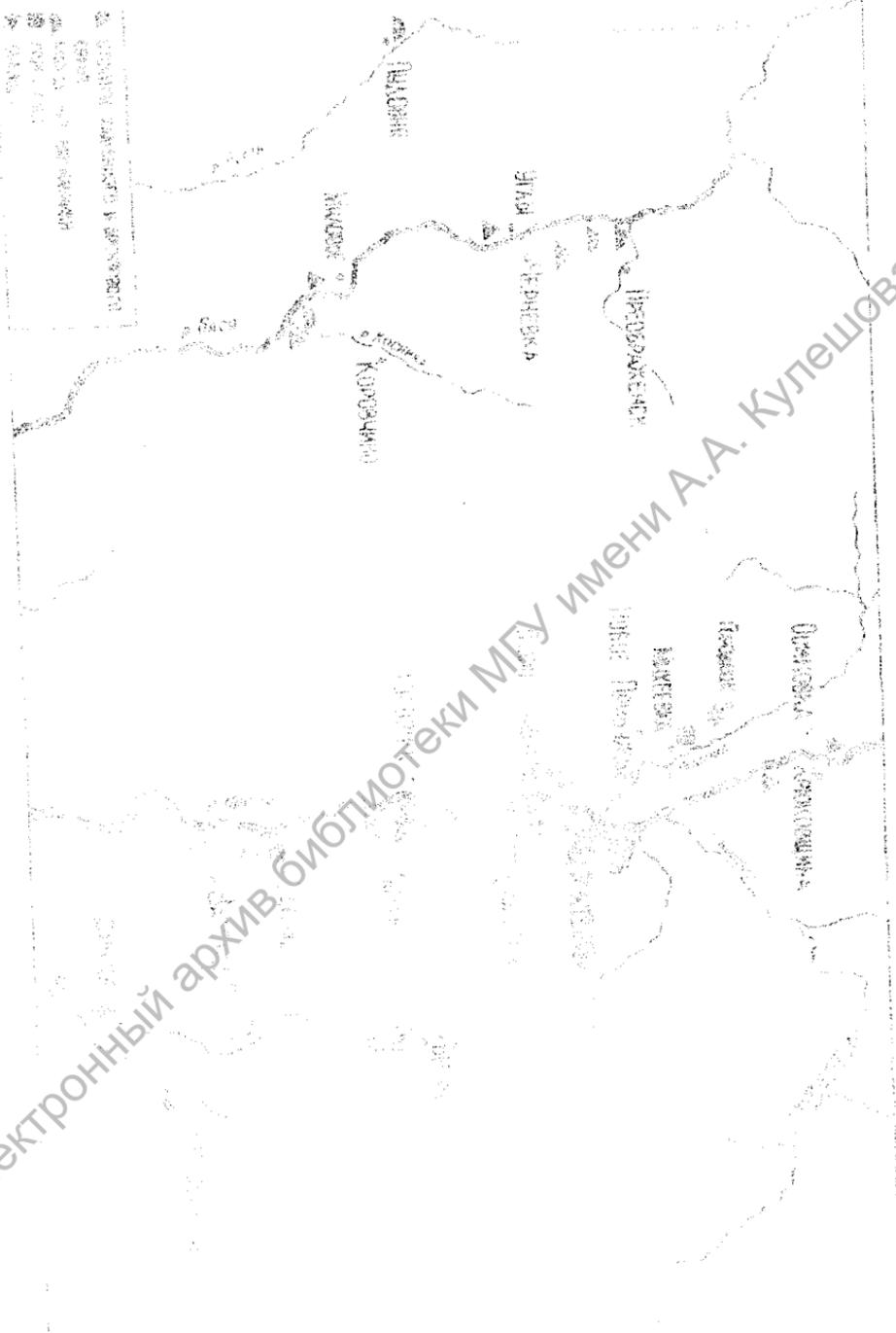
ФОРМОЗОВ А. А. Русское общество и охрана памятников культуры. М., 1990.

ШАДЫРО В. Н. Ранний железный век северной Белоруссии. Минск, 1985.

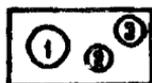
ШТЫХОВ Г. В. Археологическая карта Белоруссии: памятники доисторического века и эпохи феодализма. — Минск, 1971. Вып. 2.

ШТЫХАЎ Г. В. Крывічы: па матэрыялах раскопак курганаў у Паўночнай Беларусі. — Минск, 1992.

Содержание: 1. Описание местности. 2. Описание местности. 3. Описание местности.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

курганы

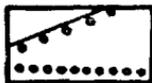
городища

обрывы, реки, ручьи

низменности и возвышения

лесополосы и лесопосадки

болота, болотная растительность

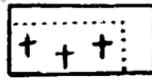
озера, луга, заболоченные низменности

шоссе, железные, проселочные дороги и мосты

застройка населенных пунктов и хоз.сооружения

кладбища

овраги

Рис. 2. Условные обозначения планов.

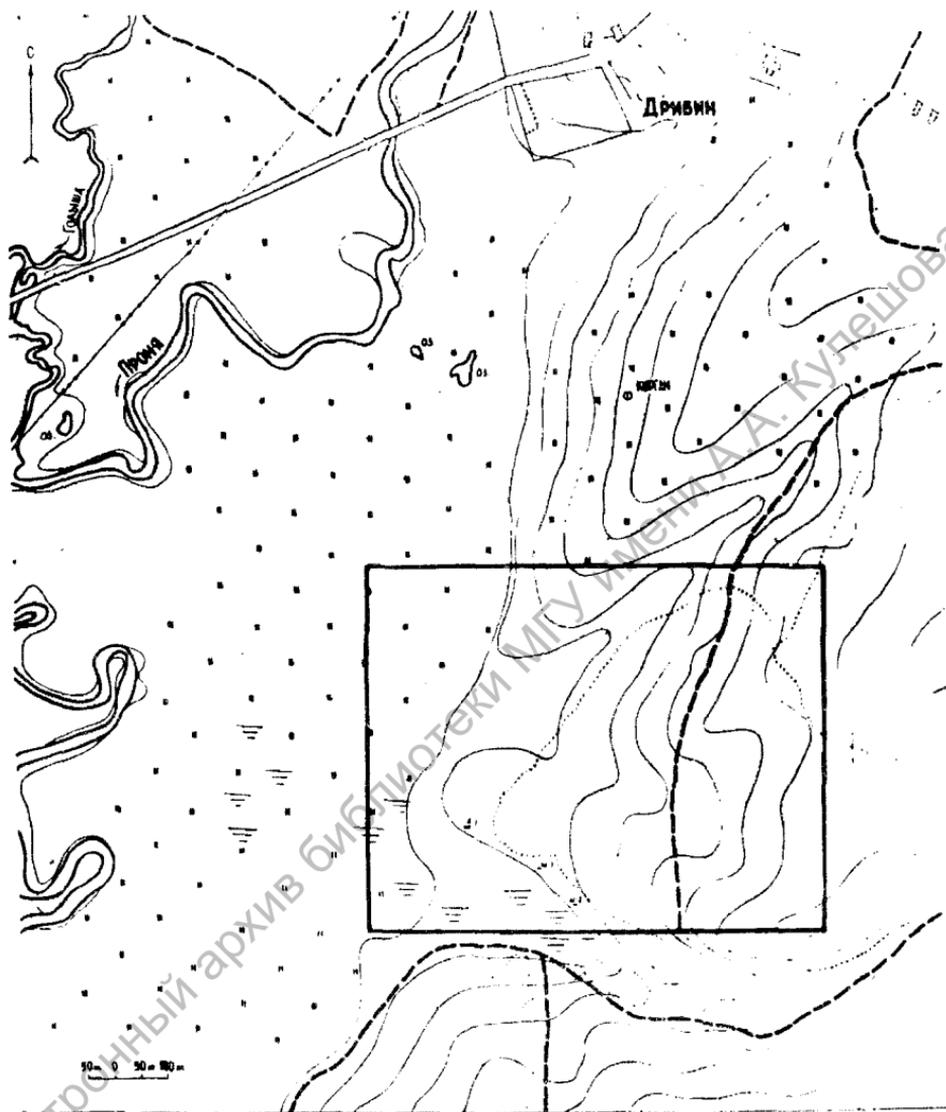

Рис. 3. Топографический план Дрибинской стоянки.

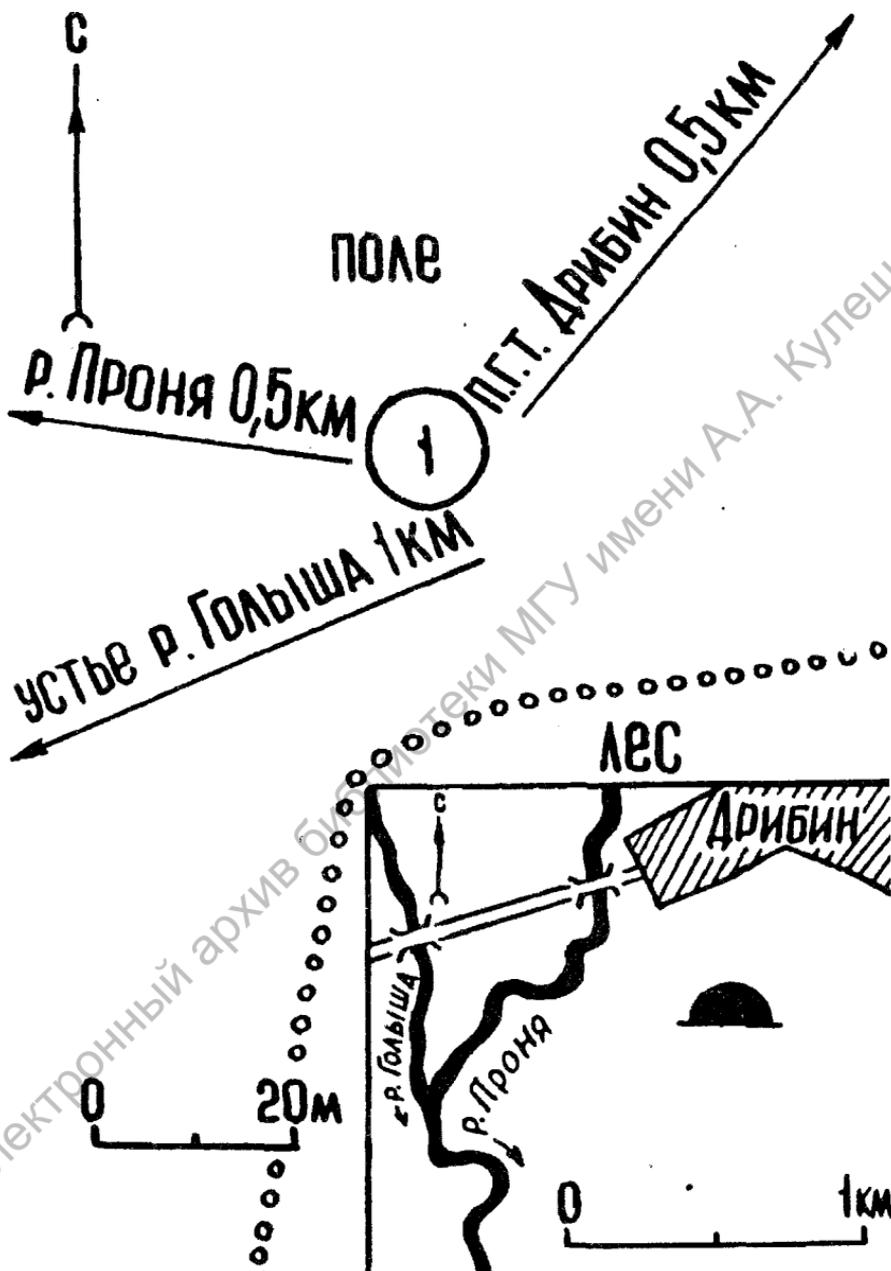

Рис. 4. План одиночного кургана у пос. Дрибин.

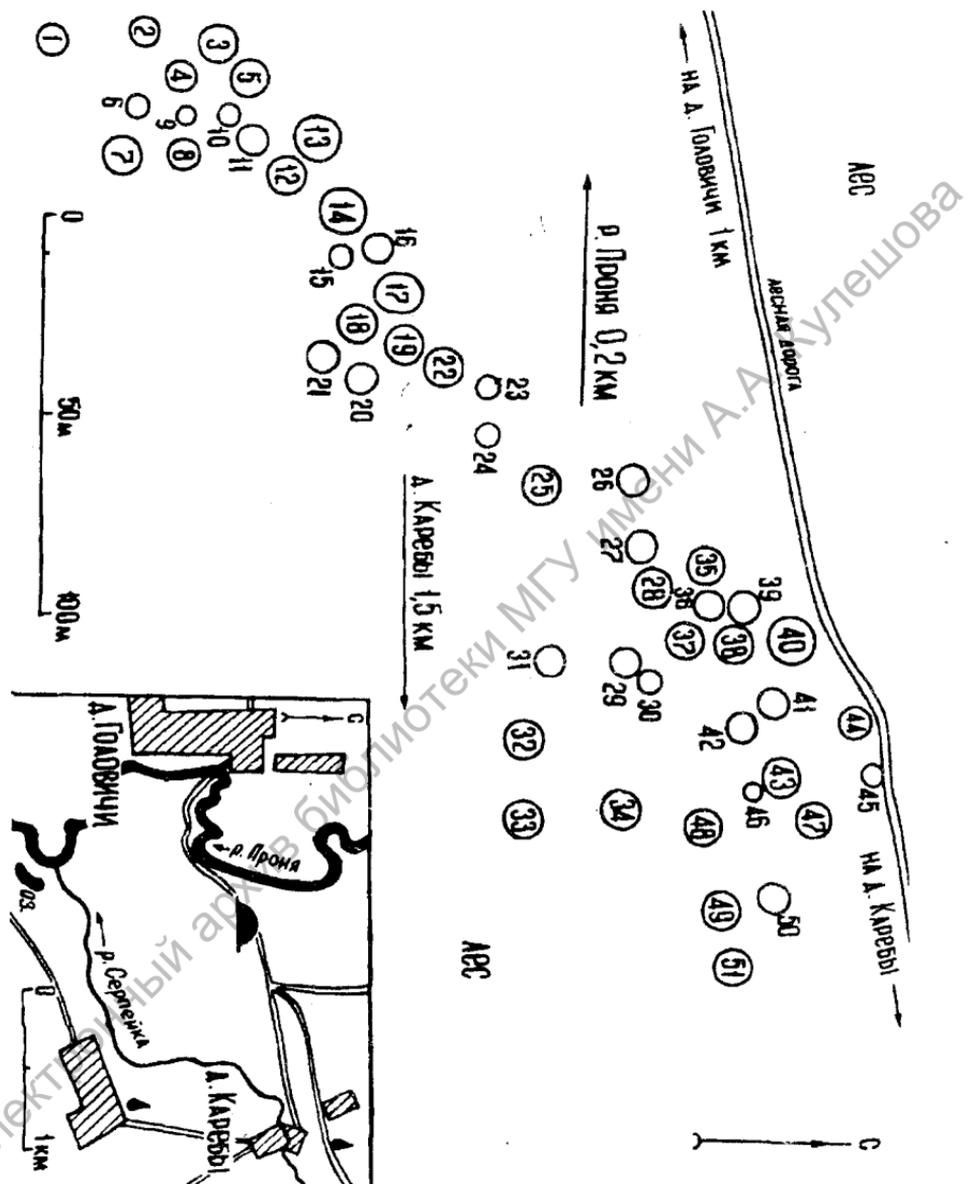

Рис. 5. План курганного могильника у д. Каревы.

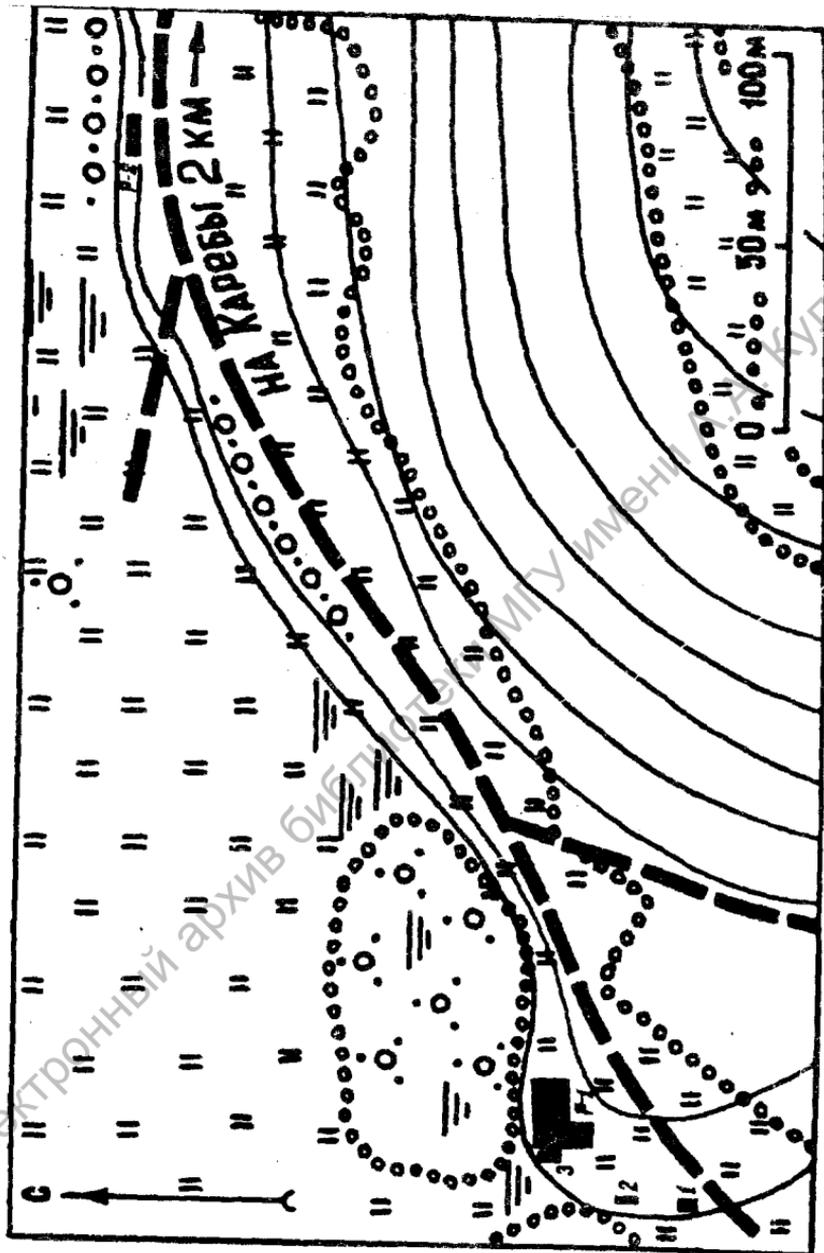

Рис. 6. Топографический план стоянок II и III у д. Каребы

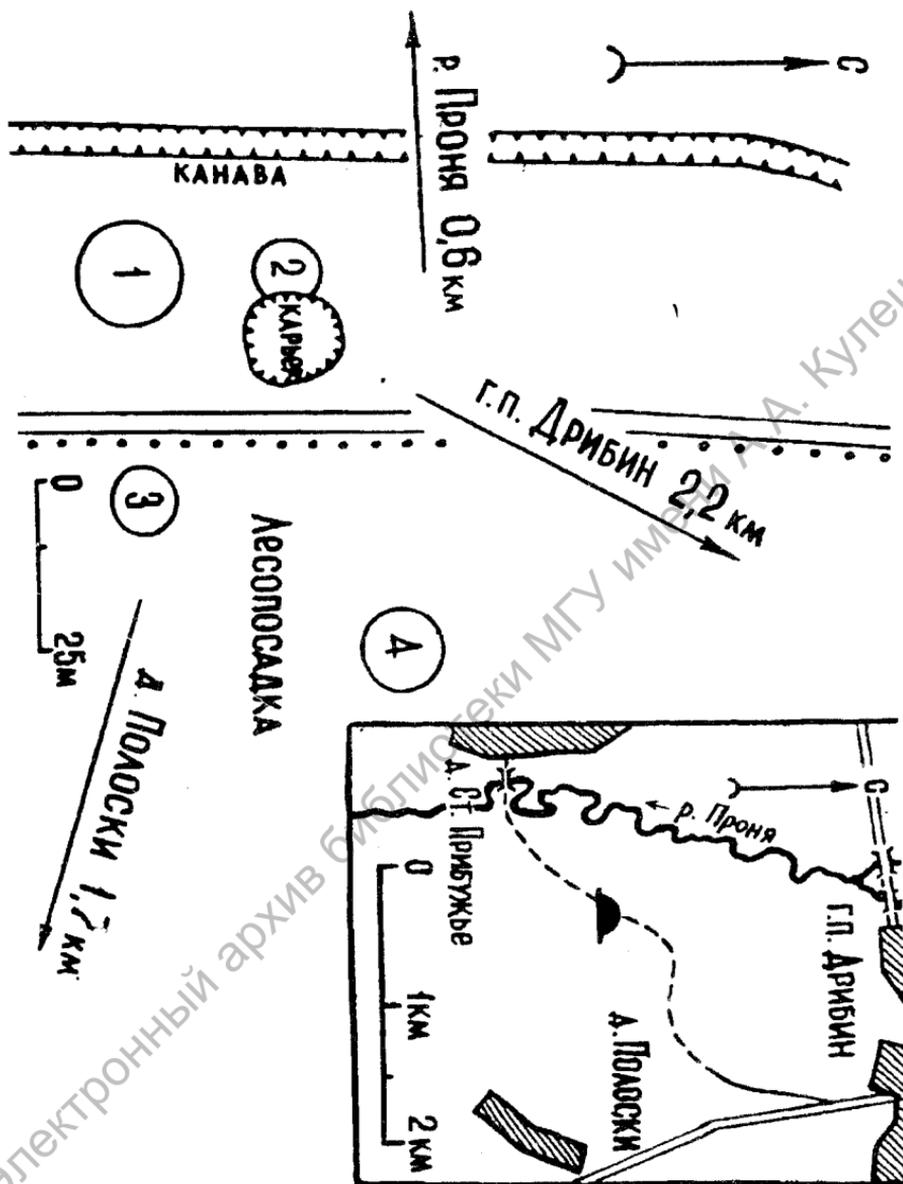

Рис. 7. План курганного могильника у д. Полоски.

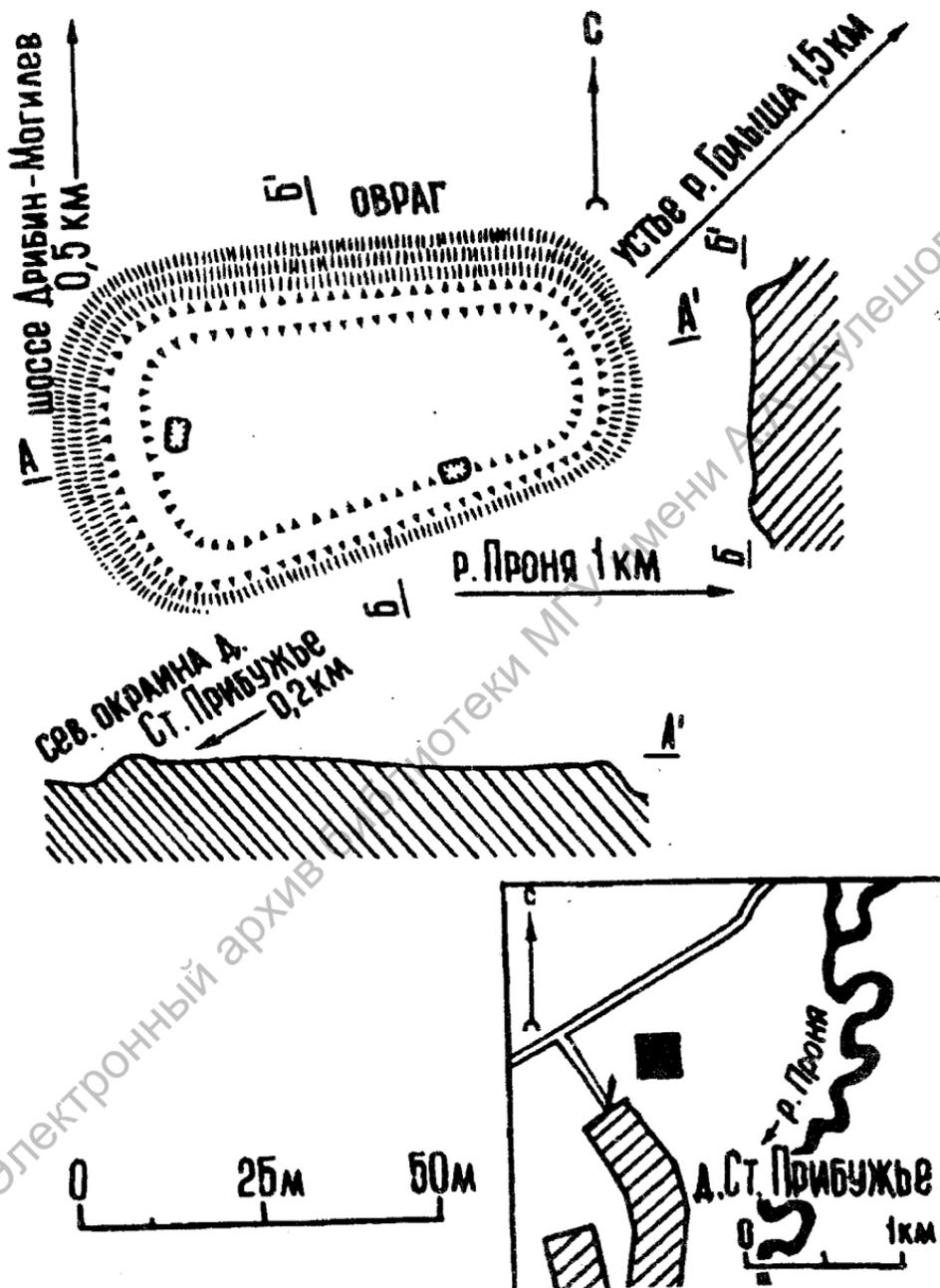

Рис. 8. План городища у д. Старое Прибужье.

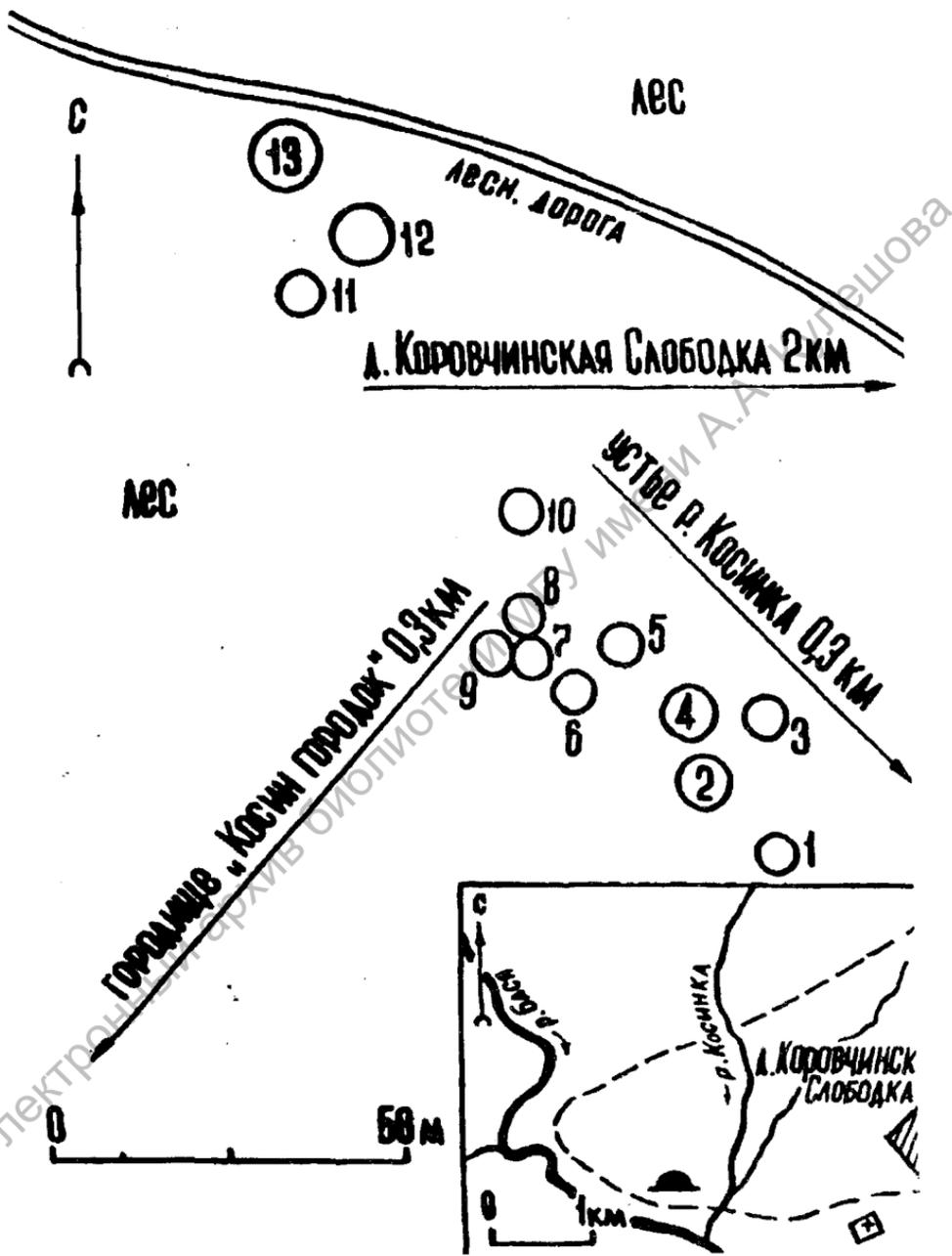

Рис. 9. План курганного могильника у д. Коровчино.

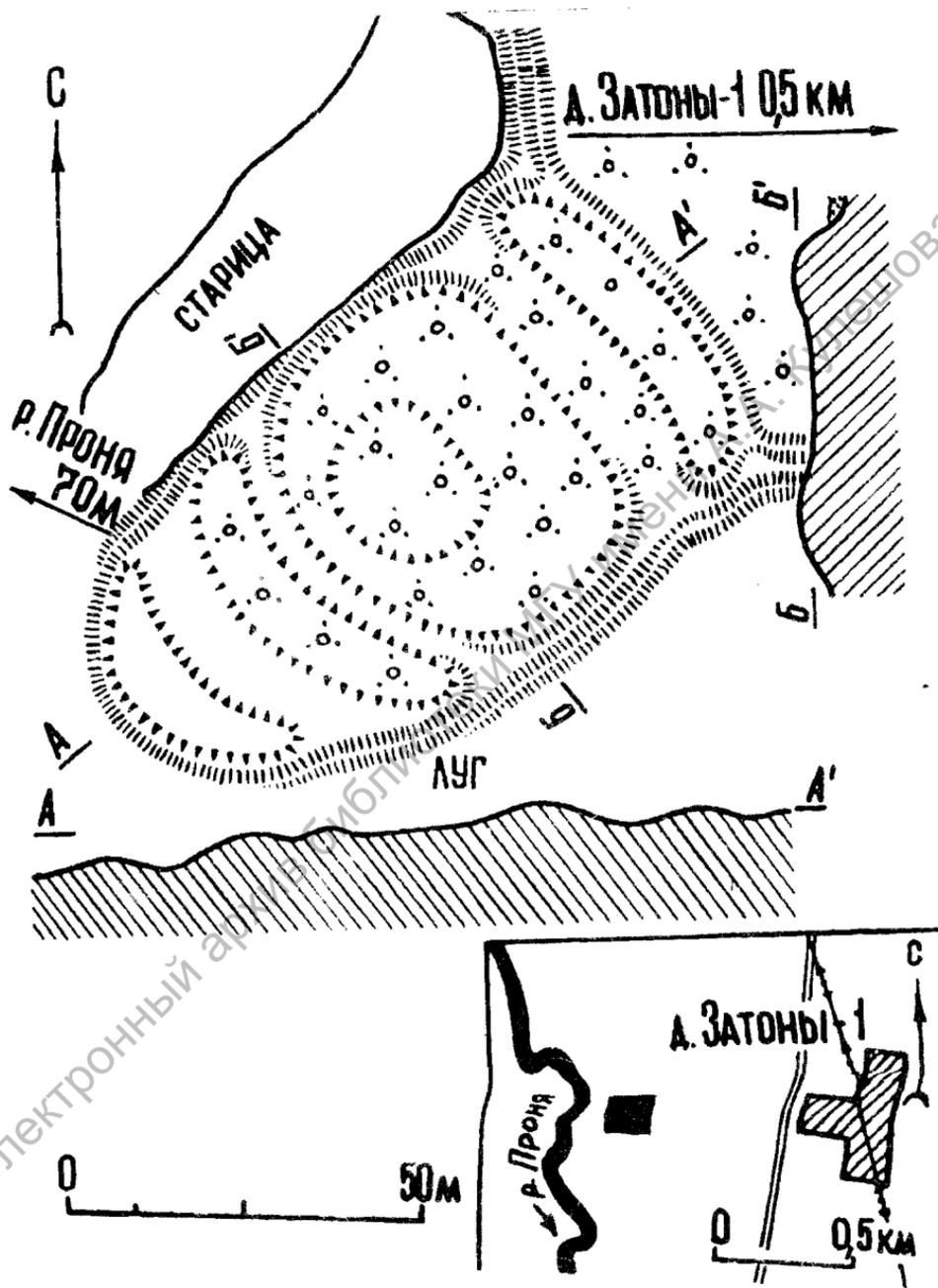

Рис. 10. План городища у д. Затоны-1-е.

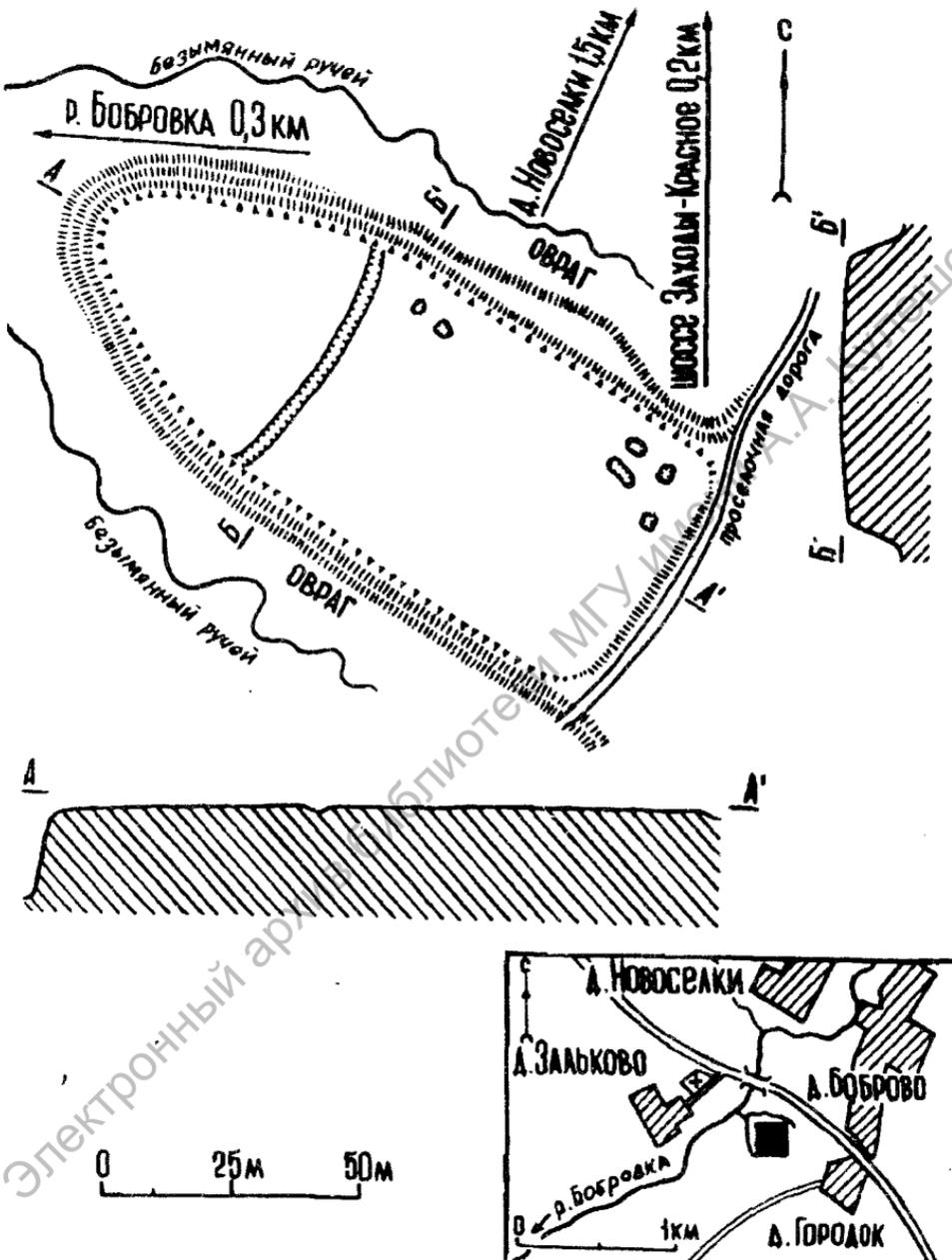

Рис. 11. План городища у д. Новоселки.

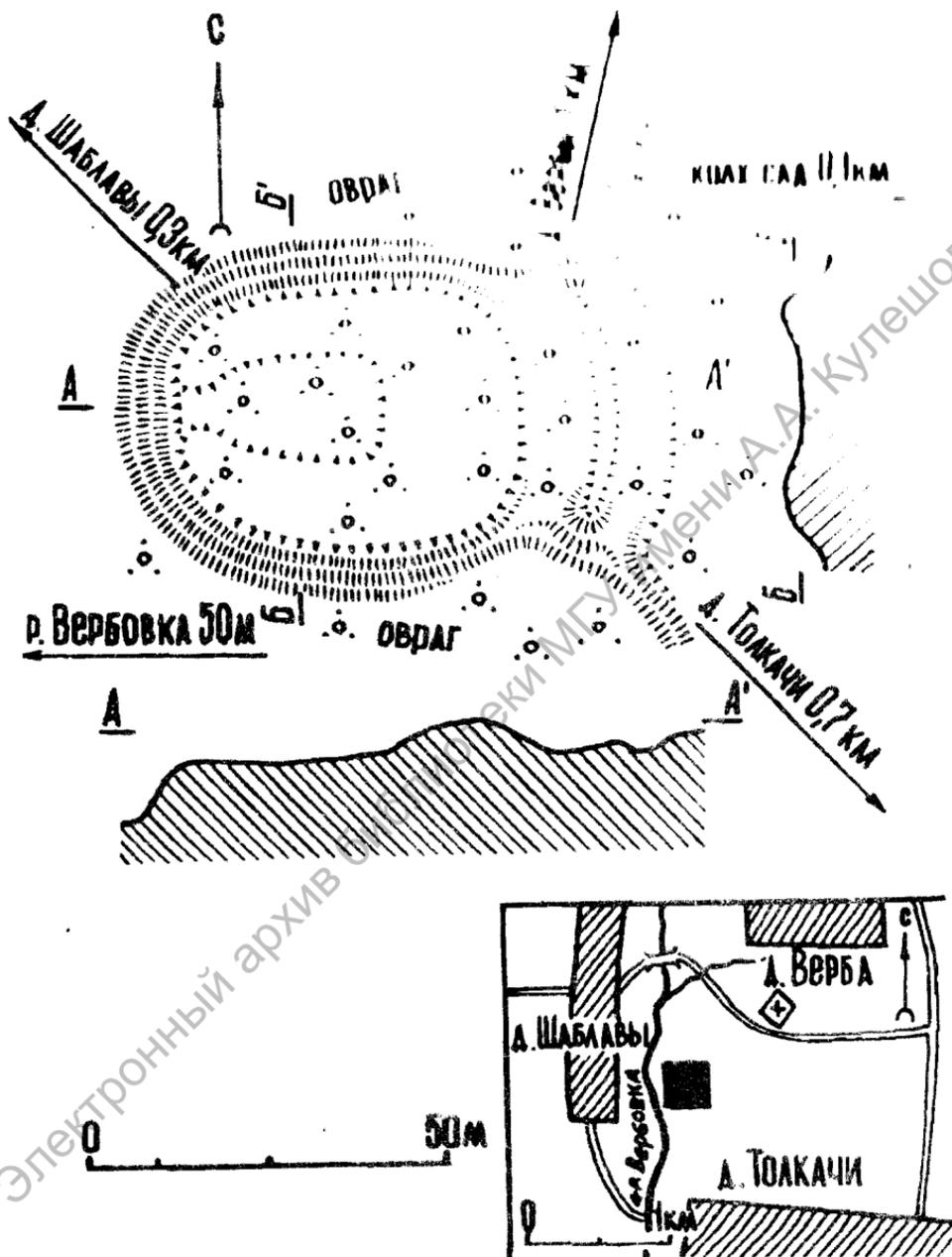

Рис. 12. План городища у д. Верба.

Рис. 13. План одиночного кургана у д. Преображенск.

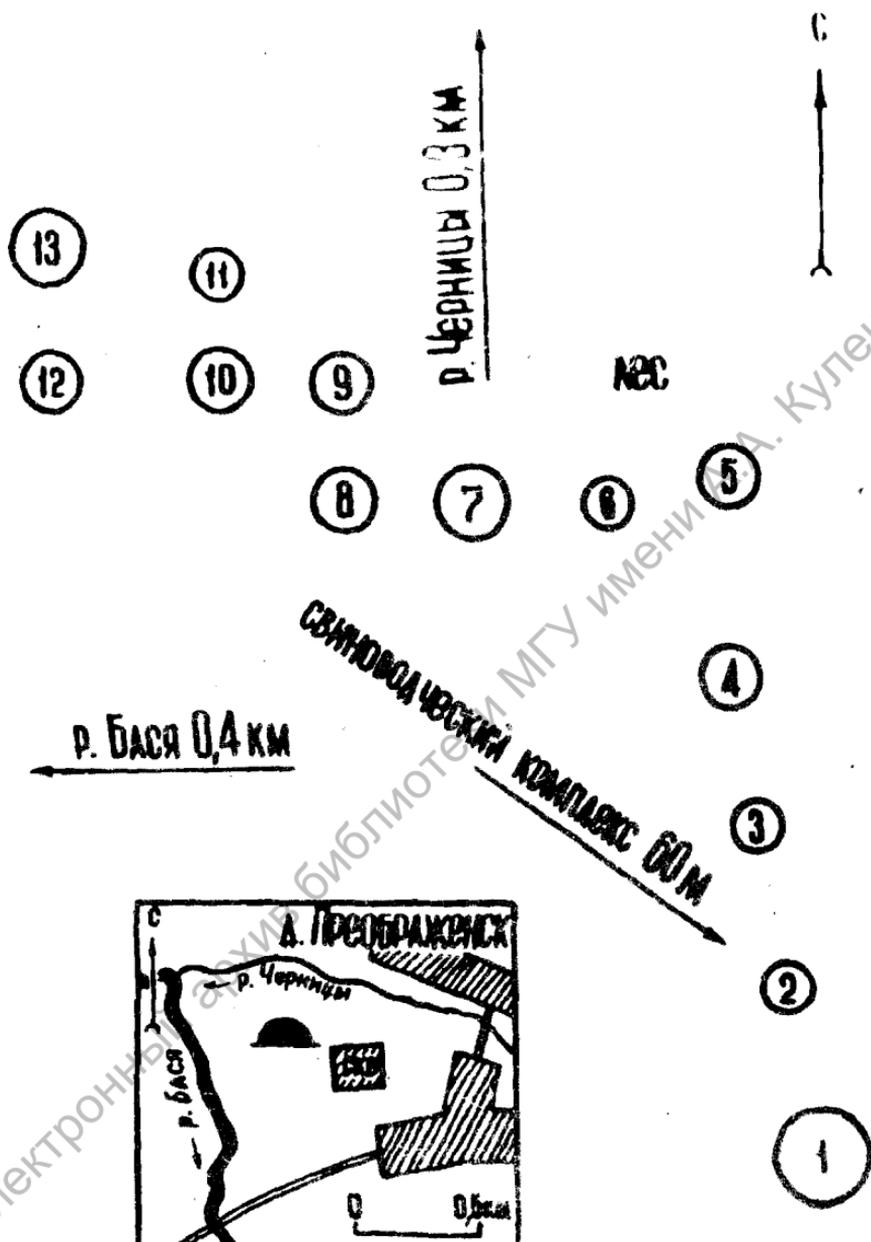

Рис. 14. План курганного могильника у д. Преображенск.

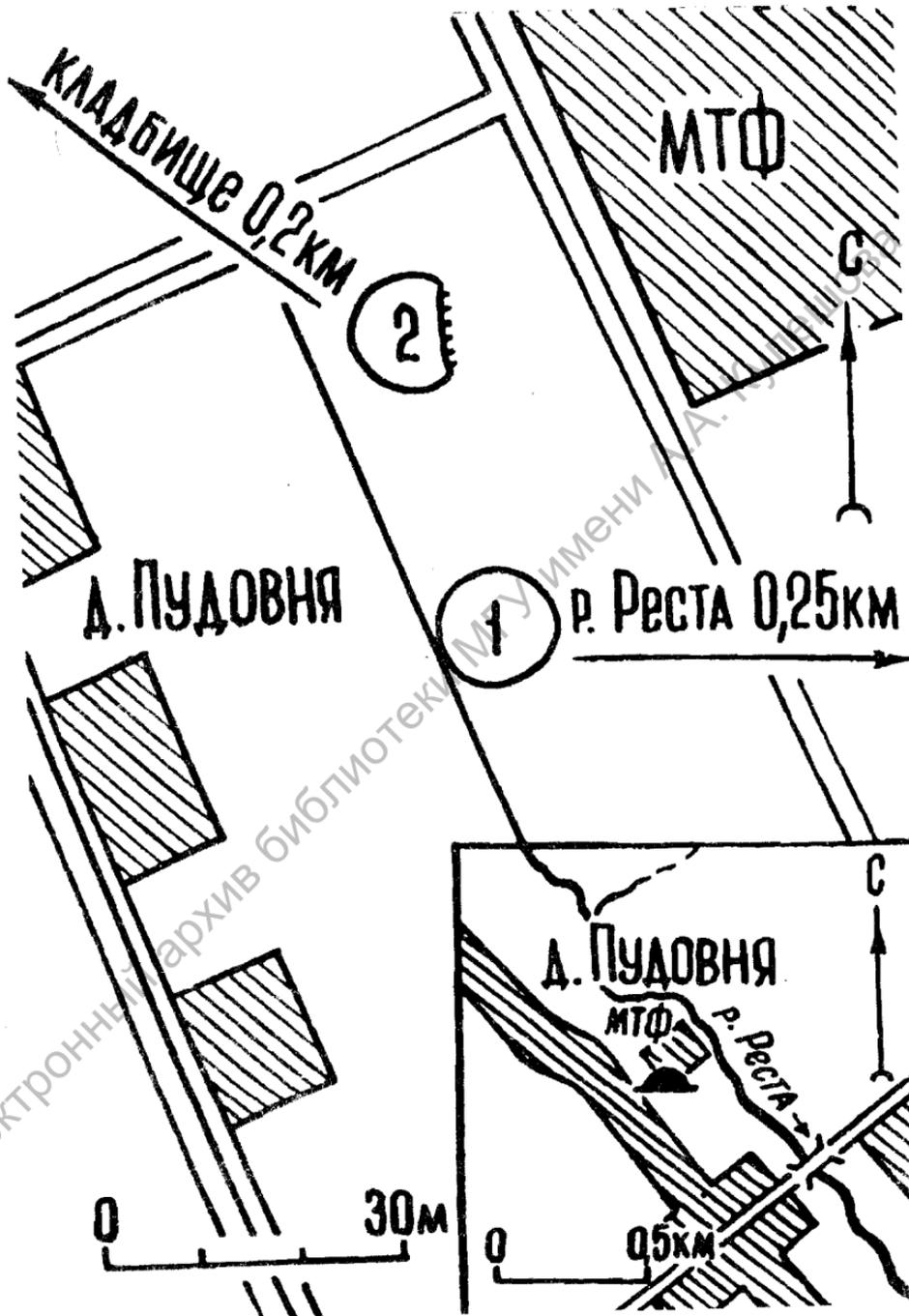

Рис. 15. План курганного могильника у д. Пудовня.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

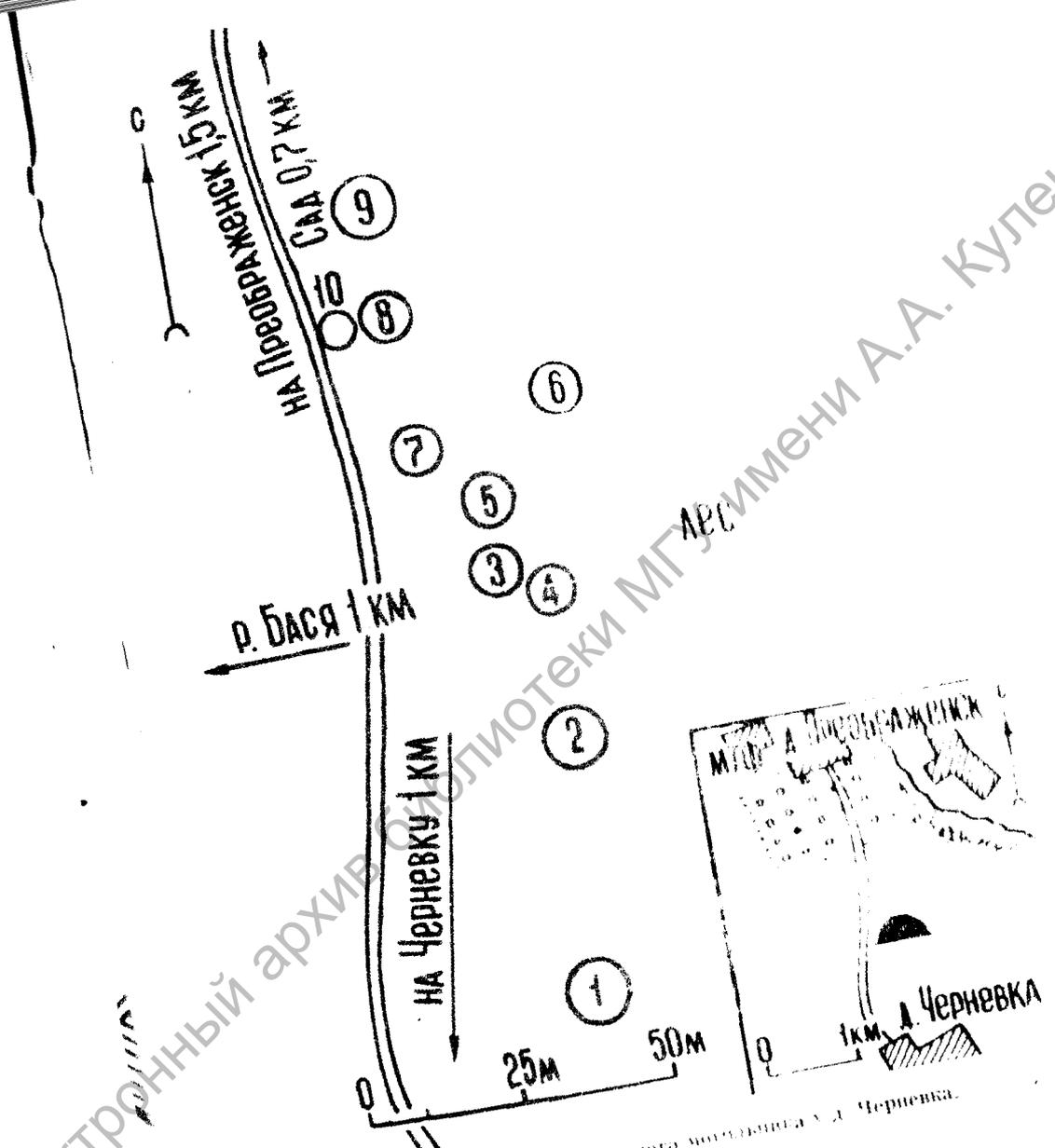

Рис. 16. План курортного водоема у д. Черневка.

О Г Л А В Л Е Н И Е

	Стр.
Предисловие	3
Древняя история Дрибинского района в памятниках археологии:	
— физико-географическая характеристика района	9
— история изучения археологических памятников	11
— очерк древней истории	14
Реестр памятников археологии Дрибинского района:	39
Сельские советы:	
— Дрибинский	40
— Коровчицкий	43
— Ряснянский	45
— Темнолесский	46
— Черневский	47
Литература и источники	50
Археологическая карта района и планы памятников	52

Научно-справочное издание.

КОПЫТИН Вячеслав Федорович.

Археологические памятники Дрибинского района

Могилевской области.

Сдано в набор 26.09.94 г.

Подписано к печати 26.10.94 г.

Формат бум. 60x84¹/₁₆. Усл. печ. лист. 3,95.

Бумага газетная. Печать высокая. Зак. 1785, тираж 300.

Могилев, облтипография. Первомайская, 70.